

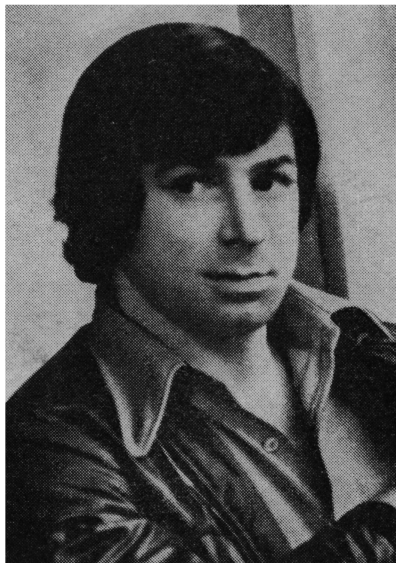
Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 7

1977

Валерий ХАРЛАМОВ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

ХОККЕЙ—
МОЯ СТИХИЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 7

Валерий ХАРЛАМОВ

ХОККЕЙ—МОЯ СТИХИЯ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1977

Валерий ХАРЛАМОВ

Заслуженный мастер спорта Валерий Харламов — один из самых ярких игроков в истории мирового хоккея. Он родился в Москве, в 1948 году. В хоккей начал играть в детской команде ЦСКА. После окончания школы поступил в институт физической культуры, затем был призван в ряды Советской Армии. Сейчас Харламов — старший лейтенант. С 1967 года выступает в команде мастеров ЦСКА. Многократный чемпион страны.

В 1968 году впервые был приглашен в сборную команду Советского Союза. Харламов дважды становился Олимпийским чемпионом, шесть раз получал золотые медали чемпиона мира. Пятикратный чемпион Европы. К осени 1976 года провел за сборную СССР 198 матчей—больше, чем любой другой нападающий. Забросил 129 шайб.

Валерий Борисович Харламов — кавалер орденов Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и многих медалей. Награжден знаком ВЛКСМ «Спортивная доблесть».

КАК НАЧАЛИСЬ ЭТИ ЗАПИСКИ

Я никуда не спешил. Но грузовик, едущий впереди, катился вызывающе медленно. Он мне даже успел надоесть, этот грузовик. И я решил обойти его. Включил мигалку поворота и взял чуть левее, увидел идущую навстречу грузовую машину, подумал, что легко проскочу между двумя грузовиками, только добавлю скорость. И в ту секунду, когда я нажал педаль газа, из-за мчавшейся навстречу машины показалось такси.

Видимо, мы в одно мгновение ударили по тормозам.

Резина на задних колесах моей «Волги» была уже почти «лысой». Машину повело резко влево и швырнуло на столб...

Вот так и началась эта рукопись.

Почти так. Потому что в первые две-три недели пребывания в госпитале (у меня были перебиты ноги и сломаны два ребра, у Иры, жены, ноги тоже оказались в гипсе) практически не было свободного времени. То, что работники ГАИ называют ДТП — дорожно-транспортным происшествием, вызвало, к моему изумлению, какой-то необычный интерес у приятелей, знакомых, полужнакомых и вовсе незнакомых мне людей. Скучать не приходилось: какими бы строгими ни были порядки в госпитале в Лефортово, заборы, как известно, для того и возводятся, чтобы в них были щели. Анатолий Фирсов пояснил мне едва ли не с гордостью, что к нему много лет назад таким путем проникла сюда жена. Но на пальму первенства претендовал и другой знаменитый хоккеист — Владимир Лутченко: его усилиями решетка была раздвинута настолько широко, чтобы мог пролезть человек, обладающий габаритами этого могучего защитника.

Потом возникли слухи. Первые оказались неинтересными — Харламов был навеселе (как вариант — пьян) и потому попал в автокатастрофу. Затем фантазия начала разыгрываться. Оказывается, я вез в машине Александра Якушева с женой, и спартаковец тоже пострадал — а у Саши ни разу пока не было случая сесть в мою машину. Дальше — хуже. Речь шла уже не о травмах, а о самом печальном. Говорили, что разбился вместе со мной другой игрок ЦСКА и сборной страны Геннадий Цыганков. Удивительно, но находились даже очевидцы трагедии.

Потом о моих неприятностях рассказал «Советский спорт», Слухи поутихли.

Поток посетителей превратился в ручеек.

Дыру в заборе заварили.

Я уже начал было готовиться к выходу из госпиталя...

12 августа, когда из Свердловска транслировали матч двух команд — ЦСКА и сборной Советского Союза, телекомментатор сообщил, что через две недели врачи меня выпишут.

А утром в тот день мне снова наложили гипс на правую ногу, сказали, что снимут не раньше чем в начале сентября.

Многое вспомнилось в тот печальный вечер и, конечно же, «Суперсерия-76» — матчи с канадцами и американцами, сыгранные в самом конце декабря 1975 года и начале января года минувшего. И особенно ясно и четко «прокручивался» передо мной — по минутам — последний матч «Суперсерии», с клубом «Филадельфия Флайерс».

И вот вместо того, чтобы хандрить, я решил поделиться воспоминаниями с другом-журналистом, взявшим на себя литературную запись: ведь это было равносильно тому, чтобы вопреки всем запретам врачей выйти на лед.

ВСТРЕЧА С ПИТОМЦАМИ ФРЕДА ШИРО

Игра началась как обычно. Как и другие поединки этой «Суперсерии». Соперники сразу ринулись к воротам Владислава Третьяка. Это был не прессинг, это была тактика силового давления. Хоккеисты «Флайерса» старались сразу же запереть москвичей в их зоне, перекрыть все возможные направления контратаки, не выпускать шайбу из зоны ЦСКА. Хозяева льда не скрывали своей цели — подавить, смять, сломить волю соперника, ошарашить его, не дать ему осмотреться, разобраться в происходящем. На ворота Третьяка обрушился град шайб. Наш вратарь постоянно в игре, у него нет ни секунды передышки. Трибуны режут, подбадривая своих, а хоккеисты Филадельфии волна за волной накатываются на наши ворота. Во что бы то ни стало стремятся они немедленно добиться успеха, как было это четыре года назад, в 1972 году, когда шайба в ворота сборной СССР влетела на тридцатой секунде первого периода.

Мы ждали такого начала и были готовы к нему.

Но «Флайерс» играл не так, как наши предыдущие соперники «Нью-Йорк Рейнджерс», «Монреаль Канадиенс» или «Бостон Брюинз». «Флайерс» играл иначе.

Это была психическая атака.

«Флайерс» умеет играть. Там немало хороших хоккеистов, в том числе и блестящий Бобби Кларк. Но в эти минуты шайба едва ли интересовала многих игроков этой команды. Главным было иное — кого-то задеть, кого-то ударить, кого-то запугать, снести с ног. Случалось, что шайба была в одном углу площадки, а нашего хоккеиста атаковали в другом. Трещали борта, шайба металась от хоккеиста к хоккеисту, кто-то с ходу врзался в опекуна, швырял его на лед. Азарт увлекал и зрителей, те, в свою очередь, еще и еще подстегивали своих любимцев.

Вот как описывает матч газета «Вашингтон пост»: «Когда Бобби Кларк и Дейв Шульц врзались в Третьяка, поймавшего шайбу, Борис Михайлов жестом выразил недоумение, и Шульц просто сунул кулак в лицо Михайлова. Салески ударил Александра Волчкова после свистка судьи, зафиксировавшего положение «вне игры». Барбер грубо атаковал Алексея Волченкова и локтем ударил Валерия Харламова».

Добавьте к этому, что на первых же минутах упоминавшийся уже Дон Салески с размаху всадил клюшку в живот нашему молодому защитнику Владимиру Локотко. Не мысль царила на площадке, не скорость, управляемая тактическими построениями. Царил напор, сливающийся с террором.

От хоккея здесь ничего уже не оставалось.

Мы утратили часть своей сыгранности, были оглоушены, в какой-то мере озадачены, но не испуганы. Я решительно убежден: главной своей цели соперники не достигли — испуганы мы не были. Я знаю своих партнеров, знаю, как выглядят, как действуют они в той или иной критической ситуации, и потому с уверенностью говорю, что даже молодые не были напуганы.

Судья Ллойд Жильмор удивил нас, несомненно, еще больше, чем хоккеисты. Сорокапятiletний ветеран, судивший сотни матчей профессионалов, сделал вид, что впервые видит хоккей и совершенно не понимает что к чему. Нас били и нас же удаляли с поля. Прошло десять минут, и мы дважды оставались на площадке вчетвером. Однако воспользоваться численным превосходством соперники не сумели.

Старший тренер ЦСКА Константин Борисович Локтев готовил нас к подобному судейству, призывал перед матчем ничему не удивляться, но такого... Такого судейства представить себе не могли ни мы, ни наши тренеры. Роберт Фаше, обозреватель газеты «Вашингтон пост», писал, что судья давал свистки лишь в случаях особо опасных нарушений правил. Но в истолковании

этого судьи такими нарушениями являются только те, что уже граничат с убийством.

А потом рефери, наконец, удалил и хоккеиста из команды Филадельфии. Мы начали атаку, шайба попала ко мне, я стал было набирать скорость, как вдруг... жуткий удар, и перед глазами пошли зеленые круги. Упал на лед. Пришел в себя не сразу. Это был нокдаун. Неожиданный, мерзкий. Подлый нокдаун: соперник ударил меня кулаком, в котором была зажата клюшка, сзади.

Хоккей — игра не для трусливых. Удары, ушибы, подножки для меня не новость. Бьют меня нередко. В разных матчах. А первая в моей жизни хоккейная травма случилась на тренировке. В 1962 году, когда мне было четырнадцать лет.

Наша команда тренировалась со старшими ребятами. Упражнения выполнялись в потоке. Хоккеист в одну сторону катится с шайбой, а обратно возвращается вдоль борта без шайбы. И вот, разогнавшись, я столкнулся с другим юным хоккеистом. Очнулся в медпункте. Лицо было поцарапано. Мама решила, что я дрался, а когда узнала, что ударился об лед, запретила ходить на хоккейные тренировки. Но папа встал на мою сторону, и я продолжал играть.

А мама с тех пор на каждый матч провожает меня с опаской. На хоккей она не ходит. Бойтся. Исключение — два матча в году. Первый — в день открытия сезона. Мама приходит «на счастье», чтобы меня не били, чтобы все было в новом хоккейном году хорошо. А весной приходит на последний матч ЦСКА: «Слава богу, все кончилось благополучно!»

Когда я женился, мама была очень рада:

— Теперь Ира тебя будет провожать на игру. Мне немного легче станет...

Но какой же хоккей без травм? К ударам я привык. Однако все же не к таким, как в матче в Филадельфии.

Мы думали, что Эд ван Имп, снесший меня боксерским ударом, будет наказан. Но судья не удалил соперника до конца игры. Не наказал он его и большим, десятиминутным штрафом. Не отправил Жильмор ван Импа на скамью штрафников даже и на две минуты. Но зато дал две минуты... нашей команде. За то, что, по его мнению, Локтев затягивает игру. О том, что мне нужно прийти в себя, судья как-то не подумал.

И тогда мы покинули лед.

У Константина Борисовича, я убежден в этом, не было в сложившейся ситуации другого выхода. В конце концов тренер отвечает не только за нашу тактическую или техническую подготовку, но и за здоровье. За то, чтобы не стали мы инвалидами.

Ван Имп сказал после матча, что он ударил меня нечаянно, а уже упоминавшийся обозреватель Роберт Фаше писал, что ни этот, ни другие прискорбные эпизоды не были, конечно же, случайными.

Матч был безнадежно испорчен.

Во время вынужденного перерыва снова говорилось, что это не хоккей, что такая манера ведения боя абсолютно противоречит условиям договора, хоккеистов «Флайерса» призывали играть в рамках правил, не знаю, соглашались ли те, видимо, соглашались, но перестроить себя они не могли. И когда матч возобновился, мало что изменилось в игровом «почерке» хоккеистов «Флайерса». Едва ли можно пересмотреть сразу взгляды на хоккей, ту форму подготовки к матчу, что заняла не дни или недели, а месяцы и годы.

Все уговоры, если они и были серьезными, велись впустую. Ибо это был особый, с точки зрения деятелей клуба из Филадельфии, матч, и подготовка к нему велась заранее и в определенном ключе.

Когда мы прилетели в Филадельфию, то автобус встречал нас прямо у трапа, а вокруг собралось превеликое множество полицейских машин. Там были люди и в форме и в штатском. И с этой минуты полицейские не отходили от нас ни на минуту.

Они сопровождали нас буквально повсюду. В отеле мы разместились все на одном этаже, и первую комнату занимали полицейские. Дверь к ним была постоянно открыта, и охрана видела, кто входит, кто выходит из лифта, и если кто-то из ребят собирался пройтись по городу, то об этом следовало предупредить полицию. «Ангелы-хранители» неизменно следовали за нами на небольшом расстоянии. Потом нам объяснили, что охрана необходима, ибо Филадельфия — один из центров сионизма и здесь возможны любые провокации, но, согласитесь, что с непривычки эта назойливая опека не могла не действовать на нервы и не влиять на предыгровое настроение команды.

Я вовсе не хочу сказать, что повышенное внимание полиции Филадельфии к хоккеистам ЦСКА было частью плана психологической обработки соперника. Но вот в том, что психологическая атака на армейцев была заранее продумана и спланирована, сомневаться не приходится.

Вспоминаю обед, устроенный руководством клуба.

Здесь самое время рассказать, что во время этой поездки нас перед матчами обычно знакомили с игроками, против которых нам предстояло выступать. Разумеется, часть хоккеистов мы уже знали, одних — по матчам со сборной профессионалов Канады в 1972 году, других — понаслышке. Мы читали о них в наших газетах.

Как правило, за день до матча мы обедали вместе с будущими соперниками. Такие банкеты устраивались перед поединками с клубами «Монреаль Канадиенс» и «Бостон Брюинз». Встречали нас команды НХЛ хорошо, особенно гостеприимны были руководители и хоккеисты «Монреаль Канадиенс», и нам были созданы все условия для отдыха и для подготовки к матчам.

И вот встреча с хоккеистами «Флайерса». Нас представляли друг другу со всеми титулами, и когда назывались имена москвичей, хозяева льда смотрели на каждого из нас не столько с вполне понятной в таком случае заинтересованностью, сколько с какой-то неожиданной... не могу подобрать точное слово, пожалуй, агрессивностью. Здесь было все — и уверенность в себе, и вытекающее отсюда ничуть не скрываемое ощущение собственного превосходства, и неутолимая жажда боя. Одним словом, хоккеисты «Флайерса», кажется, готовы были сокрушить, испепелить нас прямо здесь, за обеденным столом, не дожидаясь выхода на лед. Знаменитый Дейв Шульц по прозвищу «Кувалда» вроде бы даже поигрывал бицепсами, охотно демонстрируя свою могучую силу.

О том, что клуб из Филадельфии снискал себе славу самого жестокого в НХЛ (Национальной хоккейной лиге, объединяющей самые сильные профессиональные клубы Канады и США), мы, конечно же, знали еще в Москве. Запугать нас было трудно: хоккеисты — люди, привыкшие к разному, и не однажды встречались мы с откровенными драчунами. Но выводы после банкета мы сделали правильные, и ход матча показал, что мы угадали настроения соперников.

Этот поединок запомнился и тем, что зрители нас принимали хуже, чем в других городах. В Нью-Йорке, Монреале, Бостоне тамошним поклонникам хоккея очень хотелось, чтобы их команды одолели чемпиона СССР, но никакой враждебности мы не чувствовали. А здесь... Здесь мы вспомнили фразу из «Семнадцати мгновений весны»: «Все мы под колпаком у Мюллера». Выхав на разминку, мы увидели антисоветские лозунги, написанные по-русски и обращенные, стало быть, к нам, к гостям, любезно приглашенным за океан. Эти лозунги прикрепляли к прозрачным бортам, чтобы мы, проезжая мимо, разобрали все, что написано.

Во всех городах перед матчем исполнялись государственные гимны СССР и США или Канады. А вот в Филадельфии после нашего гимна был исполнен гимн команды «Флайерс». Очевидно, это должно было еще выше поднять энтузиазм поклонников команды.

Фред Широ, тренер команды Филадельфии, перед началом матча прислал Константину Борисовичу Локтеву карикатуру из

газеты, где был изображен сам Широ с двумя здоровенными гориллами — Келли и Шульцем, с запиской: «С кем вы хотите соперничать, если в «Флайерсе» играют такие отчаянные забияки и громилы».

Келли появлялся на льду всего несколько раз, но не искал шайбу, он искал соперника и был настолько несдержан и груб, настолько далек от хоккея, что, видимо, даже партнеры опасались его. Когда Келли и Шульц рванулись к Валерию Васильеву (этот динамовский защитник в матчах «Суперсерии» выступал за ЦСКА), тот отскочил в сторону, и два игрока «Флайерса» с такой силой и страстностью врезались друг в друга, что мы просто ошеломились.

Чем же объясняется эта неслыханная даже в условиях НХЛ нервозность? В чем причина ажиотажа вокруг матча ЦСКА в Филадельфии? Почему вдруг и клуб и его поклонники придавали такое невероятное значение этому матчу, последнему в восьмираундовой «Суперсерии», которую провели в США и Канаде московские команды «Крылья Советов» и ЦСКА?

На том предматчевом банкете, который я вспоминал, старшему тренеру команды ЦСКА Константину Борисовичу Локтеву было задано много вопросов, и, в частности, его спросили, согласен ли он с тем, что предстоящий поединок — это, в сущности, матч на первенство мира между клубными командами. Ведь «Филадельфия Флайерс» — обладатель кубка Стэнли двух последних лет и, стало быть, сильнейшая команда Северной Америки, а москвичи — обладатели кубка европейских чемпионов, девятнадцатикратные чемпионы СССР и общепризнанный многолетний лидер хоккея на европейском континенте.

Константин Борисович ответил, что он отнюдь не склонен переоценивать значение предстоящего поединка.

— Во-первых, для ЦСКА завтрашняя игра не такое событие, как для «Флайерса», ведь это лишь один, всего лишь один матч из серии. Во-вторых, армейцы ставили себе цель выиграть не одну какую-то встречу, а всю серию в целом, и цели своей уже достигли. Накануне последнего поединка в трех проведенных матчах советские хоккеисты набрали пять очков из шести возможных — выиграли у «Нью-Йорк Рейнджерс» 7 : 3, у «Бостон Брюинз» 5 : 2 и сделали ничью с «Монреаль Канадиенс» — 3 : 3, и потому последняя игра уже никак не влияет на общий исход всего турне ЦСКА по Северной Америке. Кроме того, у нас нет никаких оснований особо выделять игру в Филадельфии: в конце концов клуб Монреаля, семнадцатикратный обладатель кубка Стэнли, да и команда Бостона более прославлены. В-третьих, к матчу на первенство мира, — сказал наш тренер, — специально готовятся, мы же на полную мощь, с ма-

ксимальной отдачей сил и нервной энергии провели все предстоящие матчи и даже потеряли в них двух центральных нападающих ведущих звеньев — Владимира Петрова и Виктора Жлуктова и защитника Геннадия Цыганкова, который в паре с Владимиром Лутченко в трех предыдущих матчах не позволил канадцам забросить ни одной шайбы. В-четвертых, продолжал Локтев, вся серия это, в сущности, подготовка к Олимпийским играм, которые начнутся через три недели. Для любого спортсмена Олимпиада — это громадное событие, которого ждут, к которому готовятся многие годы. И, наконец, последнее — предстоящий матч никак нельзя рассматривать как первенство мира хотя бы потому, что титул сильнейшего надо оспаривать в равных условиях — или на нейтральном поле или в серии из четырех — шести матчей, сыгранных на льду каждого соперника.

Наши хозяева были разочарованы таким ответом. Слишком большие надежды возлагали они на этот матч, ведь победа «Филадельфии Флайерс» должна была реабилитировать профессиональный хоккей в глазах его многочисленных поклонников. Оба советских клуба — и «Крылышки» и ЦСКА — выиграли свои турниры. Профсоюзные хоккеисты одержали три победы и проиграли только один матч. Мы, как я уже говорил, набрали к приезду в Филадельфию пять очков из шести возможных. И это, конечно, потрясло спортивную общественность Северной Америки. В одной газете задавался вопрос, не русские ли в конце концов избрали хоккей. В другой, после нашей победы в Нью-Йорке, через всю страницу звучал призыв: «Отдайте им Кубок Стэнли, пусть только уедут домой!»

И вот теперь — последний шанс НХЛ.

Разумеется, мы знали, что нам противостоит чрезвычайно сильный клуб. Разумеется, мы хотели выиграть. Но в то же время понимали, что силы уже во многом не те, что были накануне первого матча. В сущности, «Суперсерия» практически существовала только для «Крыльев Советов» и ЦСКА, в то время как американские и канадские клубы проводили лишь по одной игре и имели возможность заранее изучить нас, посмотреть, как мы действуем в атаке и обороне, как строим контратаку, как защищаемся в меньшинстве. Для нас же каждый соперник был загадкой, величиной неизвестной. Добавьте к этому, что в спорте успех во многом зависит от душевного подъема, от страстности, с которой борются за шайбу или за мяч соперники, и вы согласитесь, что собраться на один-единственный матч проще, нежели на четыре, сыгранных за короткое время. А ведь каждый из наших партнеров был достаточно авторитетным, и одолеть его нам хотелось не меньше, чем клуб «Филадельфия Флайерс».

Естественно, что к последнему матчу мы были уже весьма потрепаны, но эти потери были, так сказать, естественными, неизбежными, поскольку в хоккейной игре, даже самой корректной, может случиться всякое. А тут еще за океаном играют во многом в другой хоккей, нам непривычный, и поэтому накануне серии была достигнута договоренность, что матчи будут корректными, что печальные случаи, имевшие место во время встреч со сборной Канады в 1972 году и во время игр с командой Всемирной хоккейной ассоциации (ВХА) в 1974-м, не повторятся.

Мы предупредили, что можем прекратить матч и даже прервать серию, если хоккеисты НХЛ нарушат соглашение и предложат нам вместо хоккея одну из разновидностей бокса на льду. На мой взгляд, все наши соперники до игры в Филадельфии придерживались соглашения, и если случались все-таки у северо-американских команд отступления от договоренности, то они не носили злого характера. И вдруг такой дикий взрыв страстей!

Переводчик команды знакомил нас с местной печатью, с прогнозами на каждый матч и на всю серию, и мы знали, какое громадное значение придается заключительному поединку. Однако все же полагали, что это будет корректная игра, такая же, как в Нью-Йорке, Монреале и Бостоне. Еще накануне наших первых матчей канадская печать, обсуждая предстоящую «встречу в верхах на льду», обращала внимание на необходимость соблюдения корректного поведения спортсменов и называла самым позорным эпизод, который произошел в 1974 году во время матчей советских хоккеистов с командой ВХА, когда Рик Лей ударил меня после свистка, извещавшего о конце периода. Но я понимал, что соображения прессы — одно, а канадская хоккейная практика — другое.

Я понимал, что мне будет нелегко, и заметка из «Филадельфии Дейли Ньюс», гласящая, что «в воскресенье они встретятся снова, Бобби Кларк против Валерия Харламова — ЦСКА против «Филадельфии Флайерс», говорила о многом.

В НХЛ и ВХА немало «звезд». Наша публика видела Кэна Драйдена и Бобби Халла, Горди Хоу и Фила Эспозито, Питера Маховлича и Бобби Кларка, Ги Лапойнта и Ивэна Курнуайе. Но самый знаменитый, самый сильный игрок в истории профессионального хоккея — защитник Бобби Орт. Сожалею, что я так и не увидел Орта в деле: бесконечные операции колена замучили этого выдающегося хоккеиста. Впервые против советских мастеров Бобби сыграл лишь в сентябре 1976 года, когда по необходимости должен был остаться в Москве, в госпитале. Так вот, накануне матча в Филадельфии Кларк, вспомнив Орта, подлил

масла в огонь. Он писал: «Харламов? Поскольку Бобби Орра на льду нет, то он, возможно, лучший игрок, которого вы когда-либо увидите. Я не могу описать, как он хорош. Он быстр, у него множество финтов, он выполняет их на высшей скорости. Он умеет все. Он так же быстр, как Ивэн Курнуайе. Но Курнуайе не может контролировать шайбу настолько же хорошо, как Харламов...» Потом, когда ван Имп и его партнеры начали «охоту», я думал, что они внимательно читали рассказ Кларка о хоккее-стах ЦСКА.

Повышенное внимание подготовке к этому матчу, да и ко всей серии в целом уделялось хоккеистами НХЛ и потому, что за океаном выше всего ставится клубный хоккей. И если у нас сборная — главная команда, если каждый спортсмен — в любом виде спорта — мечтает попасть в сборную, считает это самой высокой честью, то там, в профессиональном хоккее, значительно большее внимание уделяется клубам, болельщики просто убеждены, что клубы сильнее, нежели сборные с бору по сосенке хоккеисты.

И последнее. О судьях. Судили матчи по очереди наши арбитры и арбитры НХЛ. И вот так получилось, что — по заранее составленному графику — судья был на этот раз представителем НХЛ. Впрочем, и матчи с другими самыми сильными клубами, с «Монреаль Канадиенс», например, судили канадцы или американцы.

...А теперь я хотел бы коснуться темы в общем-то абстрактной. Я хотел бы представить себе, как сыграли бы мы в Филадельфии с обладателем кубка Стэнли, если бы матч был не последним в уже выигранной серии.

Так вот полагаю, что в начале турне, когда армейцы были преисполнены нерастратченного энтузиазма, когда в строю еще были могучие бойцы (я специально подчеркиваю: не просто большие мастера, но именно бойцы) Геннадий Цыганков, Владимир Петров и Виктор Жлуктов, всегда охотно принимающие силовую борьбу, даже в ее крайних формах, игра сложилась бы иначе. Хоккей — это многоборье, здесь успех приходит к той команде, которая сильнее в сумме всех составляемых — в технической и атлетической подготовке, в тактической эрудиции, в психологической устойчивости игроков. Уверен, что если «Флайерс» и превосходил в чем-либо ЦСКА, так это только в желании и умении вести силовую борьбу за рамками правил.

Это не слишком хитрое искусство! Знаю, что в драке мы могли бы и не уступить, но отвечать ударом на удар мы не хотели.

Бесчисленные драки, удары исподтишка, стремление вывести соперника из строя, запугать его, давление, которое не ук-

ладывается в рамки какого-либо разумного принципа ведения игры, — все это складывается в антихоккей, где класс хоккеиста уже ни при чем. Вот почему 11 января 1976 года у нас создлось ощущение, что нам противостоит команда роботов, неудачно запрограммированных.

Кстати, дальнейшие события в чемпионате НХЛ и розыгрыше Кубка Стэнли показали, что я недалек от истины в своих оценках: «Канадиенс» весной уверенно переиграла «Флайерс» и буквально разгромила филиладельфийцев в розыгрыше главного приза НХЛ. Хоккеисты Монреаля выиграли четыре матча из четырех, и остальные три игры им уже не понадобились.

Я знаю, что не только мы, но и заокеанские любители спорта с сожалением восприняли события, происшедшие в Филадельфии. «Вашингтон пост» писала: «Возможно, «Флайерс» и сильнее... но, к сожалению, мы этого никогда не узнаем, и советские хоккеисты всегда будут иметь оправдание, почему они не показывали всего, на что способны: они пытались спасти свою жизнь».

Кстати, в Филадельфии поняли, кажется, что антихоккей не приносит пользы команде: «Флайерс» отчислил Шульца-«Кувалду».

Этот матч мог стать праздником. А остался дурным воспоминанием, самым большим шагом в сторону от развития замечательной, популярнейшей игры нашего века. Игры волнующей, увлекающей, восхищающей миллионы людей.

Но этот матч, к счастью, — исключение. Я помню другие матчи, сыгранные на разном уровне, против разных соперников. Они дарили нам радость, приносили чувство гордости и за партнеров, и за соперников, и за свою игру. И как бы ни складывалась моя судьба в спорте, в какой бы последовательности, в какой бы пропорции ни чередовались взлеты и неудачи, я один из самых счастливых людей, потому что могу рассказать о настоящем большом хоккее.

ПУТЬ В СБОРНУЮ

Почему я стал хоккеистом? Признаться, прежде я об этом особенно не задумывался. Но вот однажды меня попросили рассказать, как пришла любовь к хоккею, и я... я не смог ответить на этот вопрос. Просто в детстве я много времени проводил на льду. А потом в один прекрасный день в моих руках оказалась клюшка.

Чтобы стать спортсменом, достичь каких-то высот, необходимо полюбить выбранный тобой вид спорта — это очевидно. Но есть и второе условие: надо жить где-то поблизости от стадиона, по крайней мере, в таком месте, где были бы условия для занятий этим спортом. Я рос в районе Ленинградского проспекта, недалеко от Дворца спорта ЦСКА, и, пожалуй, именно это повлияло на выбор спортивного пути.

Хоккей — игра технически сложная. Здесь много условностей и условий. Хоккей не столь естествен, как бег, прыжки, плавание, метание. В футбол может играть практически каждый, кто умеет ходить, а в хоккее есть предварительное условие: сначала нужно научиться кататься на коньках, потому я считаю, что футбол в этом смысле доступнее.

Кататься я начал рано. Первым тренером был отец, Борис Сергеевич, слесарь-испытатель одного из московских заводов. Он возил меня, пятилетнего, с собой на соревнования заводских команд, давал мне, чтобы я не замерз, коньки. Ботинки были настолько велики, что я надевал их прямо на валенки.

Отец не опекал меня, когда я вставал на коньки: на льду я чувствовал себя уверенно. Родители мои работали. Мама к тому времени уже хорошо говорила по-русски, хотя и с акцентом, сохраняющимся и сегодня: Орибе Абат Хермане приехала в Советский Союз двенадцатилетней девочкой в 1937 году вместе с другими испанскими детьми.

Поскольку родители были заняты, то с понедельника и до субботы я был у бабушки. Сейчас это район Старого шоссе, тогда эти места назывались Соломенной сторожкой. Анатолий Владимирович Тарасов, узнав, где я впервые встал на коньки, воскликнул: «Я знаю — мы туда за клубникой лазили!» Жили мы в деревянном доме. Я был все время на улице, катался на заснеженных дорогах, отшлифованных проезжими машинами.

Хоккей по-настоящему меня увлек в начале 1963 года, когда я увидел по телевидению чемпионат мира, проходивший в Стокгольме, где началась серия побед советских хоккеистов. Серия, в которой и я успел сыграть.

Как только в нашем дворе появилась хоккейная коробка, я начал играть со старшими ребятами. Они охотно брали меня в свои команды, потому что я катался лучше других маленьких мальчишек. В ЦСКА я попал во многом благодаря именно этим ребятам. От них я узнал о том, что там периодически происходит запись желающих играть в хоккей и каждый год ведется набор в детскую школу. Набор в то время был не такой большой, как сейчас. Мы прокатили полтора круга, и из всей нашей

компании оставили меня одного. Принял меня Борис Павлович Кулагин. Естественно, ни он, ни я не догадывались, что начинается наша совместная работа, которая будет длиться полтора десятка лет.

Начинал я нехорошо — с обмана. Был я тогда маленького роста и потому смог выдать себя за тринадцатилетнего: ребят, родившихся, как и я, в сорок восьмом, уже не принимали. Принимали только тех, кто был на год моложе меня, кто родился в 1949-м. Хоккейный клуб играл на первенство Москвы, в его составе были две команды мальчиков, три юношеские и две мужские. Мальчики, родившиеся в сорок девятом году, в чемпионате в то время еще не участвовали, их набирали заранее и пока только готовили к следующему сезону, а участвовали мы лишь в товарищеских матчах, познавая азы хоккея.

Но первый матч на зрителях я сыграл раньше, не дождавшись следующей зимы, причем во Дворце ЦСКА перед матчем команд мастеров. Была назначена переигровка вторых команд мальчиков со «Спартак» за первое-второе места, и случилось так, что в нашей первой пятерке один нападающий заболел. Вот тренеры и решили выставить меня. Так, из команды сорок девятого года меня делегировали играть за ребят сорок восьмого года, и я попал в тройку к Коле Гарипову и Валерию Лопину.

Мы выиграли 6:2, а наше трио забросило то ли четыре, то ли пять шайб. А у спартаковцев была хорошая команда, там играли Владимир Шадрин и Игорь Лапин.

В тот день случился эпизод, который я запомнил на всю жизнь. Я нарушил правила, столкнувшись с уже мощным в ту пору Лапиным, и меня посадили на скамью штрафников. Я был, конечно, огорчен, мне было стыдно, что я подвел товарищей, и вдруг ко мне подошел Анатолий Владимирович Тарасов и сказал: «Молодец, что не испугался. Спасибо за мужество. Никогда никого не бойся!»

Я был обрадован, горд, восхищен. Сам знаменитый, легендарный Тарасов, несравненный маг хоккея, заметил меня, похвалил за смелость!

Для четырнадцатилетнего мальчишки, увлеченного хоккеем, похвала Тарасова была не просто высшей оценкой, но максимально возможной наградой. И вполне понятно, что его напутствие: «Никого не бойся!» — стало для меня высшим заветом: подростки особенно восприимчивы, и тем более внимательны и старательны они, если обращается к ним их кумир.

Отец терпеть не может лжи, даже в «тактических» целях. Мне врать всегда запрещалось, и потому папа рассказывал моим тренерам Виталию Георгиевичу Ерфилову и Андрею Василье-

вичу Старовойтову, что я обманул их, что я с сорок восьмого года. Думал, меня выгонят, но меня простили, наверное, потому, что обман мой никому вреда принести не успел: за команду сорок девятого года я ни одного официального матча не провел, а за ребят сорок восьмого выступать имел полное право. Меня оставили в команде, и с тех пор я в ЦСКА. Последовательно поднимался из команды в команду — вторая, потом первая команда мальчиков, третья, вторая, первая юношей.

Медицинскую справку у меня не спрашивали, и я был рад, но боялся, что однажды моя тайна может быть раскрыта: дело в том, что я не мог в ту пору принести справку. В 1960 году я перенес ангину в тяжелой форме, болезнь дала осложнение: ревматизм сердца. Я долго был в больнице, три месяца лечился в санатории, и с того времени врачи запретили мне подвижные игры и даже школьные походы. Играя в ЦСКА, я боялся, что у меня спросят медицинскую справку. А когда ее все-таки потребовали, болезнь, видимо, сдалась. Комиссия врачей изучила дело и признала, что болезнь я переборол.

Играл с желанием. Старался, но был момент, когда я начал пропускать тренировки. Отец, узнав об этом, сказал:

— Если уж взялся за что-то, нужно заниматься как следует или вовсе отказаться... Работай по-настоящему, или я скажу тренеру, что ты не хочешь играть, а ребят подводить не позволю, они на тебя рассчитывают...

Это правило я запомнил хорошо: попал в команду, не подводи товарищей. Впоследствии оно мне во многом помогло.

Все шло гладко, без взлетов и падений, пока я как бы из класса в класс переходил из одной возрастной группы в другую, но вот настал черед первой юношеской команды, меня стали приглашать и в мужскую, и я очутился перед проблемой: следовать ли советам тренеров ЦСКА, подавать ли заявление о призыве в армию? Я написал такое заявление и сейчас понимаю, что поступил правильно, но тогда...

В команде мастеров ЦСКА все места были заняты. Играли еще великие хоккеисты старшего поколения, возглавляемые Вениамином Александровым, Александром Альметовым и Анатолием Фирсовым — я говорю сейчас только о нападающих. Играли Валентин Сенюшкин, Леонид Волков, играла быстрейшая в стране (да только ли в стране!) тройка Юрий Моисеев — Евгений Мишаков — Анатолий Ионов. Играла и талантливая молодежь, возглавляемая Владимиром Викуловым и Виктором Полупановым, такие одаренные мастера, как Борис Михайлов и Владимир Петров. В молодежной команде вместе со мной выступали перспективные ребята — Владимир Богомоллов, Алек-

сандр Смолин, Юрий Блинов, Евгений Деев, которые по физическим кондициям, по игре были, на взгляд тренеров, не хуже, а лучше меня. Потому на меня тренеры обращали не слишком много внимания, а на подходе были уже Вячеслав Анисин и Александр Бодунов.

Короче говоря, в основной состав команды мастеров меня подключили только однажды. Было это 22 октября 1967 года в Новосибирске. ЦСКА выиграл у «Сибири» 6:2. Играл я не с самого начала матча.

Радоваться особенно было нечему. Мне девятнадцать лет, и я далек от основного состава, а ведь Альметов в моем возрасте был уже в сборной! А потом тренеры мне сказали, что, выступая только за клубную мужскую команду, я не смогу повышать свое мастерство, и потому в ноябре они решили направить меня на стажировку в одну из армейских команд.

Прощаясь, Анатолий Владимирович Тарасов мрачно пошутил: «Поедешь, чтобы не было скучно Гусеву». Александр Гусев, молодой армейский защитник, уехал раньше.

Выступали мы с Гусевым успешно, но об этом ли я мечтал? Были моменты, когда я хотел бросить игру. Утешил Кулагин. Мы играли в Калинин, Борис Павлович приехал на матч. И вот после игры он наемкнул нам, чтобы мы и дальше старались, что нас скоро, видимо, вызовут в Москву. Это нас окрылило. И действительно, в марте 1968 года меня вызвали в ЦСКА, а скоро настал черед и Александра Гусева.

7 марта команда выиграла, и эта победа позволила ей перейти в следующий класс розыгрыша первенства страны, а 8-го я был в Москве и прямо с поезда зашел к приятелю, который встречал меня на вокзале. Только мы с бывшими моими одноклассниками сели за стол, как вдруг приезжает отец и говорит, что надо идти на тренировку ЦСКА. Я страшно удивился: откуда узнали, что я в Москве? Конечно, помчался во Дворец спорта. На льду в тот день были только те, кто не играл накануне. Помню Юру Блинова, Бориса Ноздрина.

И началась новая жизнь.

Так я стал вхож в компанию избранных, хотя еще не был «действительным членом» этой общепризнанной академии хоккея. Уже десятого марта, спустя четыре с половиной месяца после первой попытки, я снова был включен в основной состав. И снова против аутсайдера — новосибирской «Сибири». Армейцы легко победили соперника — 11:3. Мне дали возможность сыграть вместе с Викуловым и Полупановым, подменяя самого Фирсова.

Через день ЦСКА учинил разгром динамовцам Киева — 17 : 2. В конце этого матча я впервые вышел на лед Дворца спор-

та в Лужниках. Еще через два дня меня подключили в состав в игре ответственной, важной — против динамовцев Москвы. Так я начал выступать во всех матчах ЦСКА, и вот 23 марта 1968 года во встрече с воскресенским «Химиком» меня незадолго до конца прединка послали на лед вместо Вениамина Александрова вместе с Петровым и Михайловым. Это был лишь эпизод, всего лишь эпизод, и ни один из нас, ни наши тренеры, никто еще не знал, что только что на льду возникла тройка, которой суждено будущее.

Матч за матчем. 26 марта я впервые в жизни вышел на лед с самого начала игры, и партнерами у меня были Михайлов и Фирсов. Затем я заменял Моисеева, Ионова, снова Фирсова.

23 апреля в матче с «Крыльшками» тренеры вслед за звеньями Полупанова и Петрова выпустили молодежную тройку: Харламов — Смолин — Блинов, и после последней смены ворот я забил свой первый гол в высшей лиге. Кстати, Саша Гусев в этом матче тоже забросил шайбу.

Сезон заканчивался, и я снова был полон надежд. Летом готовился к будущим баталиям и с нетерпением ждал новых встреч и новых испытаний. Календарь чемпионата страны был тогда не столь напряженным, как сейчас, силы соперников не так равновесны, и тренеры не особенно рисковали, посылая на лед молодежное звено. Ну, а уж мы старались. Помню, в начале сезона нас выпустили на два матча в Киеве. Армейцы выиграли 10:6 и 14:4, и в первом матче тройка Харламов — Смолин — Блинов забросила три шайбы, не пропустив ни одной, а во втором поединке свой микроматч выиграла со счетом 8:0.

Звено Михайлов — Петров — Харламов было создано после возвращения команды из Японии. Я заменил Александрова. И вот пришло признание. В декабре 1968 года на международном турнире газеты «Известия» наша тройка, выступая в составе второй сборной, забила канадцам четыре шайбы. В команде Канады выступали такие известные игроки, как вратарь Стефенсон, защитники Бэгг и Боуэнс, нападающие Хакк, Ирвинг, Пиндер, Кеффри. Я открыл счет на первой минуте. Канадцы ответили тремя голами, затем Петров и Михайлов после моих пасов сравняли счет, а в третьем периоде мне удалось забросить решающую шайбу.

Это был мой первый международный матч, первый матч за сборную, пусть и не главную. Затем за короткий отрезок времени я сыграл дюжину матчей с канадцами: в составе первой команды мы совершили турне по Канаде и во всех десяти матчах играли. И вот награда: мы едем в Стокгольм на чемпионат мира 1969 года, хотя наша тройка к началу турнира имела от роду всего лишь пятнадцать недель.

ИЩИ СВОЮ ИГРУ

Вся тройка — Борис Михайлов, Владимир Петров и я — на сцене.

Очевидно, шестидесяти минут хоккейного матча любителям нашей игры недостаточно, они хотят попасть за кулисы, хотят из первых уст услышать объяснения, почему «Спартак» выиграл у ЦСКА, а Владимир Викулов не попал в сборную, и потому так охотно устраивают встречи с хоккеистами.

Бывает на таких встречах и наша тройка. Я расскажу чуть попозже, как распределяем мы свои обязанности во время выступлений, сейчас лишь замечу, что особенно часто нас спрашивают о том, как мы все трое уживаемся — на льду, в игре и за пределами площадки, как дополняем друг друга, чему учимся у товарищей, какие пожелания предъявляются партнеру, довольны ли мы друг другом, мечтаем ли об идеальном партнере, да и есть ли вообще идеальные спортсмены — мастера, которые умеют буквально все.

Не знаю, есть ли в природе идеальные хоккеисты или футболисты. Есть, кажется, только один — бразилец Пеле. Переводчик нашей сборной показывал мне как-то вырезку то ли из канадской, то ли из американской газеты, где утверждалось, что я великий хоккеист. Такие оценки объясняя преувеличенной восторженностью репортеров и результатом рекламной суеты. Какое у меня великое множество недостатков, знают не только мои партнеры и тренеры, но и я сам. Может быть, даже лучше, чем они. Поэтому отбросим в сторону разговоры об идеальных партнерах, об идеальных спортсменах и поговорим о живых, конкретных людях, о прекрасных хоккеистах — Борисе Михайлове и Владимире Петрове.

Мы вместе испытывали радость больших побед, вместе — что еще важнее — добивались их, вместе огорчались в случае неудачи.

Здесь самое время напомнить о том, что в ту пору наш тренер решал проблему третьей тройки. В первом звене играли первоклассные мастера — Анатолий Фирсов и молодые, но уже успевшие к началу сезона 1968/69 года стать трехкратными чемпионами мира и олимпийскими чемпионами Владимир Викулов и Виктор Полуанов. Надежно было и второе звено, где также играли олимпийские чемпионы — Евгений Мишаков, Анатолий Ионов и Юрий Моисеев. А вот проблема третьего звена решалась медленно.

Сейчас я понимаю, почему. Это только так говорится — третье звено. На самом деле перед Тарасовым стояла труднейшая задача: он искал замену хоккеистам тройки «А». Трем ве-

ликим асам хоккея, которые один за другим покидали лед, нужна была смена. Ушел Константин Локтев, ушел Александр Альметов. Оставался последний из могижан — Вениамин Александров. Он играл то вместе с Михайловым и Петровым, то с Михайловым и Смолиным, играл со мной, играл с Фирсовым, подключались в состав гройки и другие хоккеисты, и по мрачному лицу Тарасова можно было догадаться, что опять «не то», снова «не то».

Недовольство тренера понятно: перед его мысленным взором была великолепная игра испытанной тройки «А». Мы все на ее фоне проигрывали, а я тогда ясно чувствовал, что мне далеко до Александрова, и был готов к тому, что завтра на тренировке услышу о новом составе звена.

Но я ошибался. Тарасов уже решил, каким будет новое трио, и после нескольких проверок остановился окончательно на том варианте, который показался ему самым перспективным — Михайлов — Петров — Харламов. И вскоре нас стали считать первой тройкой советского хоккея. Тройкой «А».

Хоккейная тройка — это коллектив. Своеобразный «производственный» коллектив. Не случайно нас называют звеном. А первое условие успешной деятельности коллектива — психологическая совместимость. Еще лучше, если дружба. Три мастера, даже очень хороших, не станут сильным звеном, если не будут понимать друг друга, уважать друг друга, исповедовать одни и те же принципы хоккея.

Это тем более важно, если речь идет о долголетнем сотрудничестве. Тут взаимная симпатия, готовность помогать друг другу, прощать ошибки особенно необходимы.

А мы очень разные. Разные во всем. Разные люди нас привлекают. Разные книги интересуют. И разные взгляды на самые серьезные да и не слишком серьезные проблемы делают нас очень несхожими. Мы много спорим. А тем более на тренировках. И особенно во время подготовительных сборов, когда живем вместе. Это только на чемпионатах мира и на Олимпийских играх я живу с другими, чаще всего с Александром Мальцевым. Но наша дружба на льду, одинаковое понимание не только принципов игры, но и — что не менее существенно — одинаковое отношение к игре помогают нам преодолевать все, что разделяет нас.

Если меня спрашивают во время учебно-тренировочного сбора, в дни зарубежной поездки, что делают сейчас, в эту минуту, Михайлов и Петров, я всегда могу ответить, не опасаясь ошибки: спорят!

Это величайшие спорщики. Анатолий Фирсов назвал Михайлова чемпионом мира по спорам, и он, конечно же, прав. Борис

готов спорить без конца, но сильная его сторона заключается в том, что он самокритичен, умеет признавать свою ошибку, признавать правоту оппонента. В общем, я считаю, что это хорошо — постоянное стремление докопаться до истины, умение отстаивать свою точку зрения в самых яростных спорах с тренерами, руководителями клуба. Тем более, если это не переходит в упрямство. А вот Володя Петров своих промахов не признает ни за что. Он уступить не может никому и ни в чем.

Однажды у меня спросили, верен ли рассказ о том, как Володя играл во время одного из тренировочных сборов в шахматы с Анатолием Карповым. Гроссмейстер в те же дни готовился к турниру, жил рядом с нами, мы играли с ним в бильярд, и вполне было возможно, что Петров, величайший любитель шахмат, пожелал испытать силы Карпова.

Очевидцы утверждают, что Володя проигрывал раз за разом, но смириться с неудачами не мог. Догадываюсь, отлично зная нашего центрфорварда, о ходе его размышлений: конечно, Карпов — чемпион мира, конечно, он силен, но не настолько же, чтобы я не выиграл у него ни одной партии.

Хочу проверить эту историю, да боюсь спрашивать у Петрова. Но если это и выдумка, то очень похожая на правду. Именно так в подобной ситуации и вел бы себя мой партнер.

Настойчивость и упрямство — граничащие друг с другом качества. Настойчивость помогла Володе стать первоклассным хоккеистом. Упрямство мешает ему добиваться еще большего. Вот иллюстрация.

В игре с московским «Динамо» Петров сильнейшим броском от синей линии (причем находился он у борта, то есть бросал шайбу в ворота под углом) забил гол Владимиру Полупанову. В следующем матче он бросал шайбу с той же точки еще несколько раз. Тщетными были наши попытки убедить его, что это неразумно, Петров продолжал свое. И даже когда соперник втроем защищался против нашей пятерки и у нас была превосходная возможность разыграть шайбу и выйти на позицию для верного взятия ворот, Петров, получив шайбу, швырнул ее издалека от синей линии, и динамовцы, легко овладев шайбой, выбросили ее из своей зоны.

Петров и Михайлов часто спорят еще и потому, что отстаивают интересы команды, интересы товарищей, и это, конечно, благородно, а мы, зная достоинства своих друзей, постоянно избираем Бориса капитаном команды, а Володю — комсоргом. (Михайлов вот уже несколько лет капитан двух команд — ЦСКА и сборной).

Но на льду мы забываем обо всех дискуссиях и спорах. На льду мы единомышленники, друзья, которых не разольешь во-

дой. Мы готовы постоять друг за друга, помочь друг другу и «отработать», как говорят в хоккее, один за другого.

Жизнь человеческая — это будни, дела, повторяющиеся из дня в день, какие-то житейские мелочи, на первый взгляд несущественные, но решающие многое. Вот и хоккей — это не только и не столько чемпионаты мира или захватывающие поединки ЦСКА со «Спартаком», сколько тренировки и тренировки, общение ежедневное, ежечасное с одними и теми же людьми. И прежде всего с партнерами по звену.

Пока, к счастью, мы еще не надоели друг другу. На учебно-тренировочном сборе, на чемпионате мира Борис, Володя и я стараемся сесть за один стол, в раздевалке наши места непременно рядом. Если кто-нибудь из нас троих идет получать клюшки, то старается прихватить их и для своих партнеров. И все мы прекрасно знаем, какой тип клюшки (у клюшек разные углы, они бывают для «леворуких» и «праворуких») предпочитает каждый.

С Борисом Михайловым и Володией Петровым играть легко. Даже в тех матчах, когда соперник попадаете трудный. Взаимопонимание, мастерство, работоспособность моих партнеров выше всяких похвал. Мы понимаем друг друга не с полуслова, а с полбуквы. Я знаю, что они могут предпринять в то или иное мгновение, догадываюсь об их решении, даже если они смотрят куда-то в другую сторону. Точнее говоря, я не столько знаю, сколько чувствую, что сделают они в следующую секунду, как сыграют в той или иной ситуации, и потому в то же мгновение мчусь туда, где ждет меня шайба, где, по замыслу партнера, я должен появиться.

Мы знаем сильные и слабые стороны друг друга. Знаем, как хотел бы сыграть товарищ в ту или эту секунду. Не говоря ни слова, лишь переглянувшись, мы сразу же находим устраивающее всех решение — потеряв шайбу знаем, кто должен бежать на помощь защитникам, знаем, когда партнер устал настолько, что именно тебе следует «отработать» назад, хотя он ближе к своим воротам, в любой момент матча знаем, кому вступить в борьбу, кому атаковать игрока, владеющего шайбой.

Я играл вместе со многими мастерами, в том числе и с очень большими, но ни с кем не удавалось мне добиться таких удач. Именно Володя и Борис сделали меня Харламовым.

Когда я попал к ним в тройку, у меня, по существу, было только одно достоинство — неплохая, или, как говорили тренеры, нестандартная обводка. Все остальное предстояло постигать — и безошибочную игру в обороне, и умение добивать шайбу, и искусство игры в пас.

Мои старшие товарищи не обижали меня поучениями, хотя к тому времени, когда я попал к ним, они уже были мастерами спорта, чемпионами СССР, а я только перворазрядником (мастером спорта, и притом сразу заслуженным, я стал после победы сборной Советского Союза на чемпионате мира 1969 года). Борис и Владимир играли на меня, за меня, играли без лишних слов, без упреков. Они спешили мне на помощь, когда, потеряв шайбу, я по неопытности не успевал вернуться назад, терпеливо ждали паса, к которому я поначалу не питал особого пристрастия. Они говорили мне: «Играй в свою игру, но посматривай на нас, ищи нас на площадке».

Прошло немало времени, прежде чем я научился видеть всю площадку, играть на партнеров, выдавать им точные пасы. Казалось бы, мне теперь только и играть с ними. Но наше звено ждали серьезные испытания. В сезоне 1971/72 года Анатолий Владимирович Тарасов решил сформировать новую пятерку, в которой вместе с защитником Александром Рагулиным, полузащитниками (амплуа в хоккее в то время непривычное) Геннадием Цыганковым и Анатолием Фирсовым были бы два нападающих Владимир Викулов и Харламов.

Одна из идей нового построения заключалась в том, что два нападающих получали больший простор для маневра, а центральным нападающим становился в момент атаки тот из полузащитников, который оказывался на более выгодной позиции для штурма ворот соперника. Стоппер (он же центральный защитник) Рагулин должен был постоянно дежурить на «пяточке» у своих ворот, а борьба за шайбу в углах поля возлагалась на полузащитников.

Когда Тарасов поделился с нами своей идеей, команда была на тренировочном сборе в ГДР, в Берлине. Мы ужасно обиделись. Конечно, тренер волен по-своему компоновать звенья. Но, как правило, реорганизация касается тех троек, игра у которых не ладится. Но зачем же расформировывать ведущее звено клуба и сборной страны? Это не укладывалось в сознании. И особенно обидным решение тренера показалось Петрову и Михайлову. Думаю, они подозревали меня в том, что я согласился на реорганизацию с легкой душой, ведь теперь я буду выступать с большими мастерами! Напомню, что несколькими месяцами ранее Анатолий Фирсов в третий раз получил приз, присуждаемый лучшему нападающему чемпионата мира, а Рагулин и Викулов были не менее прославленными хоккеистами.

Борис и Володя не раз пытались уговорить тренера не трогать нашу тройку, но Тарасов был непреклонен.

И по играм и по тренировкам было видно, что Михайлов и Петров и огорчены, и растеряны, и возмущены таким решением.

Мне тоже было обидно за нашу тройку. Неловко чувствовал я себя перед моими партнерами: в конце концов я пришел в звено последним — самым молодым и неопытным, ребята помогали мне, опекали, давали возможность поверить в собственные силы, а я, набравшись мастерства и опыта, покидал их теперь, чтобы играть с другими. И это происходило всего за несколько месяцев до Олимпийских игр, до первой нашей Олимпиады, на которую мы мечтали попасть, к которой шли вместе более трех лет. Обиды были серьезные. Недоволен был тренер, недовольны хоккеисты, и это взаимное недовольство мешало играть и тренироваться... И продолжался разброд до тех пор, пока Анатолий Владимирович не сумел все-таки убедить нас, что в интересах и ЦСКА и сборной СССР мы обязаны располагать двумя сильными пятерками.

— Неужели, — говорил Тарасов, обращаясь к Борису и Владимиру, — вы с вашим опытом, мастерством, трудолюбием, работоспособностью, доброжелательным отношением к молодым не сможете вырастить еще одного Харламова? Вам все по плечу...

Тренер бил точно в цель. Он говорил не только о перспективах команды. Он учитывал и особенности характера Михайлова и Петрова, и мало-помалу они проникались желанием доказать миру и Тарасову, что звено и без Харламова сможет сыграть блестяще, что они и вправду способны сделать из Юрия Блинова первоклассного мастера.

Володя и Борис добились своего. То был лучший сезон Блинова. И не только потому, что он стал олимпийским чемпионом, заслуженным мастером спорта, но и потому, что играл Блинов той зимой блистательно. И публика, и журналисты, и мастера хоккея ахали: «Вот это игрок!» В матчах чемпионата страны и на Олимпийских играх Петров, Михайлов и их молодой партнер сыграли великолепно.

А мною владели двойственные чувства. С одной стороны, мне жаль было расставаться с друзьями, было обидно, что ведущее звено не только ЦСКА, но и сборной расформировали, что пропадает все, чего мы с таким трудом достигли. С другой же... Я выступал теперь рядом с Анатолием Фирсовым и Владимиром Викуловым, выступал в компании, где плохо играть было просто невозможно.

Игра в новой пятерке многому меня научила, многое мне дала. Я стал меньше суетиться. Может быть, потому, что теперь у меня был больший простор (разделите ширину площадки — 30 метров — не на троих, как прежде, а на двоих), а может быть, потому, что стал иначе видеть хоккей. Играя рядом с таким мастером, как Анатолий Васильевич Фирсов, я заново открывал

для себя многие тонкости, иначе, глубже понимал тактику хоккея. Новые партнеры научили меня действовать на площадке более вдумчиво, строже выполнять планы, разработанные перед матчем, заранее готовиться к тем или иным тактическим построениям, которыми, по замыслу тренеров, мы должны были озадачить соперника.

Викулов и Фирсов в каждом матче не только выполняли заранее продуманный план игры, но и творили, импровизировали, предлагали соперникам один ребус за другим. Они действовали и в нападении и в защите. И если с прежними своими партнерами я больше играл впереди, мало заботясь об обороне, о помощи защитникам, то теперь, находясь на льду рядом с такими прославленными игроками, не мог не следовать их примеру. Играть иначе, чем они, меньше трудиться на льду было бы неуважением к ним.

Так я познавал культуру хоккея. Тот сезон был для меня удачным. Не только потому, что стали мы в Саппоро олимпийскими чемпионами. Новая пятерка хорошо играла весь сезон — весной нашей микрокоманде вручили приз, присуждаемый редакцией газеты «Труд» самому результативному трио в союзном чемпионате. Но если бы меня спросили тогда, где хочу я играть — в новом звене или в прежнем, я бы не колебался. Конечно же, с Петровым и Михайловым! Только с ними! И пусть эти слова не покажутся обидными Фирсову или Цыганкову, Викулову или Рагулину. Я благодарен замечательным мастерам за все мои университеты. Я восхищен ими, но разве предосудительно на верность первой любви?

Мы вместе росли, мужали и как хоккеисты и как люди. Вместе мы провели лучшие наши годы: вместе мы жили на сборах, вместе тренировались, ездили по стране, пересекали океан. Наконец, вместе мы играли против разных соперников, возможно, мы и сходить будем вместе. Мы равны, мы привязаны друг к другу, и когда осенью 1972 года все трое снова стали играть в одном звене, то, право же, стали играть еще лучше. По общему мнению, наше звено хорошо отыграло на чемпионате мира, который проводился весной 1973 года в Москве, и нам оказали большую помощь два таких могучих защитника, как Александр Гусев из ЦСКА и Валерий Васильев из московского «Динамо». Если память меня не подводит, мы забросили пятьдесят две шайбы! На иных чемпионатах столько не забрасывает и вся команда.

Начиная разговор о тройке, я говорил о психологической совместимости хоккеистов. Так вот решающим условием этой совместимости я считаю равенство игроков (исключения допуска-

ются, вспомним хотя бы историю тройки, где Фирсов играл с молодыми Викуловым и Полупановым).

Мы все трое абсолютно равны, мы не стесняемся друг друга, высказываемся, если чем-то недовольны, не боясь обидеть партнера и не всегда задумываясь над поиском слова, которое не ранит. Говорим откровенно все, что думаем.

Наверное, кто-то из любителей хоккея найдет в моих рассуждениях противоречие. Борис Михайлов родился в 1944 году, я — в 1948-м, разница четыре года, и все-таки я говорю о том, что мы равны, мы, если хотите, ровесники. А вот Володя Викулов родился в 1946 году, он на два года моложе Михайлова, и тем не менее, выступая с ним в одной тройке, я в душе относился к нему не как к равному, а как к старшему товарищу.

Странно? Ничуть! В хоккее иные возрастные категории и понятия.

Весна 1967 года. Чемпионат мира в Вене. Блистательно, на голову выше всех играет лучшее звено мирового любительского хоккея, где объединены Владимир Викулов, Виктор Полупанов и Анатолий Фирсов.

Викулов становится двукратным чемпионом мира.

А кто, кроме немногих, очень немногих поклонников хоккея, вспоминал в ту пору имена Михайлова или Петрова. А обо мне вообще никто не слышал.

Викулов к сезону 1972 года был сформировавшимся первоклассным мастером, шестикратным (!) чемпионом мира.

Вот почему я писал об университетах Фирсова и Викулова, и, хотя к тому времени я тоже немало уже умел, чувствовал я себя в этой компании учеником.

Помню, в те дни, когда я лечился в госпитале, немало разговоров вызвал состав нашей команды, отправившейся в Канаду на крупнейший международный турнир, где приняли участие шесть сильнейших сборных Европы и Северной Америки. В советской команде было много молодежи. Тренеры пояснили, что хотят проверить молодых хоккеистов в условиях трудного турнира, в соперничестве с профессионалами, выступающими в ведущих клубах НХЛ и ВХА.

В состав были включены вратарь Михаил Василенок из рижского «Динамо», нападающий Валерий Белоусов из челябинского «Трактора». Молодые хоккеисты? Конечно же, молодые. И хотя оба родились в 1948 году, и хотя и тому и другому по двадцать восемь лет, куда им тягаться с Третьяком, которому 24, или с Владимиром Лутченко и Валерием Васильевым, которым по 27 лет! Эти трое — ветераны, бывшие мастера, прошедшие через все испытания. А ведь именно такие испытания — матчи, сыгранные на Олимпийских играх, чемпионатах мира, против

профессионалов, закалили наше звено, приучили до конца отдавать игре все свои силы.

Михайлова, Петрова и меня объединяет и то, что мы не любим быть на вторых ролях, и оттого тройка наша решительно не приемлет мысли о возможности быть на втором плане, отойти в тень, быть чьим-то дублером.

Дружим мы в последнее время и семьями.

Теперь об обещании рассказать о наших встречах с любителями хоккея.

Мы часто отправляемся на такие встречи втроем. Уже сложились определенные правила наших выступлений.

Первым обычно говорит Михайлов как капитан и сборной СССР и ЦСКА. Потом выступает комсорг главной хоккейной команды страны Петров. Ну, а мне достается «десерт» — отвечать на вопросы.

На таких встречах любители спорта нередко задают вопрос, кто мой лучший друг. Имеется в виду, как нетрудно догадаться, кто-то из партнеров по команде.

Ответить на этот вопрос я не могу. Друзей у меня много. Так много, что однажды я даже и сам удивился. А было это накануне свадьбы. Я составил списки друзей, вроде бы самых близких друзей, и у меня получилось более ста человек. Ведь только хоккеистов ЦСКА больше двух десятков. Вот и получилось, что на свадьбе было почти полторы сотни гостей.

Наверное, в числе первых я, разумеется, должен назвать Михайлова и Петрова. Но не только с моими партнерами дружен я. Я очень близок и с Александром Мальцевым, это большой мой друг, но было бы неловко перед остальными друзьями, например, перед теми же Владимиром и Борисом, называть его самым-самым лучшим. Все-таки мы с Петровым и Михайловым играем в одной тройке и вместе радуемся победам, вместе огорчаемся после поражений.

С Сашей Мальцевым у нас очень много общего. Мы одного возраста, судьбы наши в спорте сложились схоже, мы почти в одно время начали играть и в своих клубах и в сборной команде: впервые Александр на чемпионат мира попал в 1969 году. Мы тянемся друг к другу в часы, свободные от тренировок, и во время подготовительных сборов нас нетрудно увидеть вместе. Да и в дни зарубежных поездок, как правило, мы живем вместе, в одной комнате.

Пожалуй, я могу считать Мальцева не только другом, но и партнером. Впервые мы сыграли вместе в Праге на чемпионате мира 1972 года, затем тройка в том же составе (Викулов — Мальцев — Харламов) проводила первые матчи советских хоккеистов против канадо-американских профессионалов Нацио-

нальной хоккейной лиги осенью 1972 года. Минувшей зимой, когда хоккеисты ЦСКА выехали в США и Канаду на матчи «Суперсерии», в команду были, как известно, включены два игрока из московского «Динамо» — защитник Валерий Васильев и нападающий Александр Мальцев. Сначала Мальцев выступал в третьем звене, а когда Петров получил травму, то тренеры перевели Сашу в нашу тройку.

В таком же составе (Михайлов — Мальцев — Харламов) звено отправилось и на чемпионат мира, проходивший в польском городе Катовице в апреле 1976 года. К сожалению, играли мы вместе мало: Саша был травмирован и досрочно уехал в Москву.

Когда Александр уезжал, то, прощаясь с нами, он улыбнулся и сказал мне:

— Хорошо, что в этот раз мы прически с тобой не меняли... Смысл шутки поняли многие игроки сборной.

Несколько лет назад, когда сборная СССР совершала зарубежное турне, мы с Мальцевым жили в одном номере. И вот однажды утром решили подурачиться: одновременно изменили прически, сделали пробор на другую сторону. А вечером во время матча соперники, игравшие в общем-то достаточно корректно, разбили клюшкой лицо мне, а потом и Мальцеву.

Кто-то из хоккеистов постарше объяснил:

— Слишком уж вы оба выглядели сегодня непривычно, вот обоим и досталось...

У нас с Мальцевым много схожего. Не только путь в сборную. Но и манера игры. И манера одеваться. Мы одного роста, одного веса, и потому коньки подбирает один: размеры совпадают. И рубашки, и брюки, и костюмы каждый легко подбирает и для приятеля — совпадают не только размеры, но и вкусы.

Значит, лучший друг — Мальцев?

А как же Владимир Лутченко?

Едва ли погрешу против истины, если самым близким другом назову я Владимира Лутченко.

Мы прошли весь путь от новичков до двукратных олимпийских чемпионов вместе. Мы играли в юношеских, в молодежной команде ЦСКА, потом стали подключаться к основному составу — Володя, хотя и моложе меня на год, в большой хоккей вступил немного раньше. Практически одновременно стали мы игроками команды мастеров, потом нас стали пробовать в сборной Советского Союза, и на чемпионатах мира дебютировали снова вместе — все в том же «Юханнесхофе», в Стокгольме, в марте 1969 года. И в отпуск четыре года подряд мы ездили вместе, я не представлял до самого последнего времени, до ав-

токастрофы, разлучившей нас на четыре месяца, что можно прожить на свете целый день и не увидеть Лутченко.

Друг — это, по моим представлениям, человек, который всегда тебе поможет, человеку, которому можно довериться в любой ситуации. Друг поймет твоё настроение и поспешит принять какое-то участие в твоих заботах, если у тебя неприятности или просто плохое самочувствие.

И таких друзей у меня много. Если речь идет о дружбе, я везучий человек.

Спасибо за это хоккею!

САМЫЙ ПАМЯТНЫЙ МАТЧ

Так называют главы в книгах или даже целые книги ветераны футбола, ветераны хоккея, публикующие свои воспоминания.

Мне с мемуарами, догадываюсь, выступать рано. Мне пока играть надо.

Однако и нам, действующим еще хоккеистам, нередко приходится отвечать на вопрос о самом памятном матче или самом памятном голе.

В первенстве страны команда проводит 36 матчей. На чемпионате мира каждый член сборной команды выступает до десяти раз, а осенью 1975 года я, кроме того, сыграл еще в пяти матчах розыгрыша приза газеты «Советский спорт» и в четырех — на мемориале Валерия Павловича Чкалова в Горьком. Я участвовал в турнире «Известий», затем играл в Канаде и США против клубов НХЛ. Добавьте розыгрыш Кубка СССР, встречи на Кубок европейских чемпионов, поединки в Инсбруке на Белой Олимпиаде — их было шесть и приплюсуйте контрольные проверки накануне чемпионата мира. Вот и получится семьдесят — девяносто игр.

Это за сезон. Но бывает, что мы проводим и до ста игр. Значит, за восемь лет, прожитых в большом хоккее, сыграно несколько сот матчей. Разные они по содержанию, разные по результатам. Не так-то просто выбрать самый памятный, но я попытаюсь.

И начну с матча... веселого.

Сборная Советского Союза накануне очередного чемпионата мира отправилась в турне по Федеративной Республике Германии и Голландии. Мы провели серию встреч в разных городах, и вот когда мы играли со сборной командой Голландии, тренер соперников, судя по всему, дал своим подопечным задание персонально опекать ведущих советских нападающих.

Особенно ревностный опекун достался Александру Мальцеву. Это был тот тип хоккеиста, который безукоризненно исполнителен и послушен воле тренера, который стремится максимально точно выполнить получаемое им игровое задание — в рамках своих возможностей, понятно.

Опекун не отставал от Саши ни на шаг. Мальцев откатывается к своим воротам, соперник катится за ним, Саша устремляется вперед, опекун опять старается не отставать. Наш форвард внезапно останавливается. Рядом замирает соперник. Саша готовится получить пас, шайба адресована точно на его клюшку, но не тут-то было: опекун успевает все-таки поднять клюшку соперника.

Мальцеву и смешно и тошно.

Наконец, не выдержал. Подъехал к нашей скамейке, спрашивает у тренеров со смехом, что же ему делать.

Вмешиваюсь в разговор, советую:

— Сходи в нашу раздевалку, может, он опять за тобой увяжется?..

Мы смеемся, обсуждаем проблемы Сашиного опекуна, а игра тем временем продолжается. Хоккеисты Голландии владеют шайбой, но играют вчетвером — пятый хоккеист, персональный сторож Александра, стоит около борта: опекает Мальцева. Соперник, не зная языка, слушает наши разговоры, силится угадать, о чем речь... Кто-то из наших поощрительно хлопает его по плечу. Опекун Саши догадывается, что говорят о нем, и тоже улыбается. А шайбу тем временем в своей зоне перехватили наши хоккеисты, началась атака, несколько пасов, и вдруг Мальцев так стремительно рванул вперед, что соперник, не ожидавший такой прыти, так и остался стоять на месте у нашего борта.

Мальцев забил гол, но тренер команды Голландии не корил незадачливого сторожа, а над слишком буквально истолкованным понятием «персональная опека» смеялись не только мы, но и наши соперники.

Но чаще всего мне, однако, вспоминаются матчи драматические.

Хоккей для мастеров, выступающих в высшей лиге, — это матчи и тренировки, тренировки и матчи, самолеты, поезда, гостиницы, дворцы спорта, соперники, с которыми мы встречаемся из года в год, то в Москве, то в Ленинграде, Горьком, Воскресенске, Праге, Стокгольме, Хельсинки, Монреале, Филадельфии.

Хоккей для нас — необходимость видеть партнера, общаться с ним едва ли не ежедневно, и если говорят о психологической совместимости космонавтов, отправляющихся в двухмесячный

полет, то, право же, можно говорить об этой проблеме, рассказывая и о хоккеистах, совместное путешествие которых по миру спорта продолжается порой целое десятилетие. И если собираюсь я вспомнить самый памятный матч в моей спортивной судьбе (или по крайней мере один из самых памятных), матч знаменитый, матч, о котором говорили долго и много, то прежде я хотел бы вспомнить те два дня, что предшествовали ему.

Здесь мне не требуется полагаться только на память — это не нужно потому, что подготовка к тому, давнему матчу, сыгранному весной 1969 года, ничем, в сущности, не отличалась от подготовки к любому ответственному матчу, что проводили хоккеисты ЦСКА минувшей весной.

Любители хоккея знают, что когда игры идут через день или через два на третий, то мы уезжаем в Архангельское, место учебно-тренировочных сборов. Иногда едем сразу после только что окончившегося матча, а иногда, если соперник послабее или между играми несколько дней, сначала разъезжаемся по домам.

На следующий день после матча на тренировку собираются обычно те, кто накануне не выступал или играл всего один период, и те, кто, по мнению тренера, сыграл неудачно. Остальные могут не приходиться на занятие. Собираемся мы часов в одиннадцать. Игроки, которым тренеры разрешили не приходиться, съезжаются к концу тренировки, а если кто-нибудь не может прийти в ЦСКА, то он приезжает на сборы самостоятельно, заранее известив руководителей команды.

После тренировки, вернувшись на тренировочную базу, мы обедаем, а потом каждый по-своему использует свободное время. Как правило, хоккеисты садятся за письменные столы готовиться к занятиям в институтах. У нас много студентов. Прошлой весной окончили Малаховский филиал Смоленского государственного института физической культуры Владимир Викулов, Владимир Петров, Владислав Третьяк, Евгений Мишаков. На подходе к диплому Владимир Лутченко. Основательно потрудившись, хоккеисты идут париться, сбрасывать лишний вес; мы пристально следим за своей формой, и есть игроки, которым каждую ночь снится шипящий бифштекс. Вечером мы свободны. Гуляем, благо места у нас сказочно красивые. Иногда ходим в кино, чуть ли не всей командой. Играем в шахматы. Есть любители бильярда, домино, тенниса (к теннисистам отношусь и я). Но чем бы хоккеисты ни занимались, все равно наши мысли крутятся вокруг завтрашнего матча.

Тогда, восемь лет назад, весной 1969 года, готовясь к игре, о которой я хочу рассказать, мы тоже думали о ней. Нам предстояла встреча со «Спартак».

Ох, уж этот «Спартак»! Наш главный соперник. Бывают, конечно, годы, когда спартаковцы не участвуют в борьбе за золотые медали, но такое случается не часто. За последние пятнадцать лет лишь однажды третья команда вменялась в нашу междоусобицу да еще и обогнала нас. Это было в 1974 году, когда чемпионами стали «Крылья Советов», а остальные четырнадцать комплектов золотых медалей доставались либо нам, либо спартаковцам.

«Спартак» был первым за эти полтора десятка лет четырежды, мы — десять раз. Казалось бы, можно и привыкнуть к этому традиционному соперничеству. Но как и много раз до этого, волнение начиналось уже на предматчевой тренировке. Эта тренировка во многом определяется стилем игры нашего соперника. Если нас ждет поединок с московским «Динамо» или с командой, строящей тактику игры от обороны, то четверо наших игроков выстраиваются на рубеже синей линии и стараются не впустить соперника в свою зону, а пятый маневрирует где-то впереди, мешая атакующим набрать скорость. Если же команде предстоит открытая игра, тренировка носит атакующий характер.

«Спартак», так же как и наш армейский клуб, исповедует атакующий хоккей, и предматчевая тренировка отличалась стремительным азартом. К чему приводит открытый обмен ударами, когда все помыслы соперников устремлены вперед, к воротам, когда забота об обороне собственных ворот отходит на второй план, показывает результат товарищеского, тренировочного матча, сыгранного ЦСКА и «Спартаком» в начале сентября 1976 года. Петров и Михайлов, навесившие меня в госпитале, рассказывали об этом матче с горькой усмешкой — ЦСКА проиграл 8:12. «Прямо гандбол какой-то, а не хоккей», — сокрушались мои друзья.

Но вот наступил день матча, и начался он, как и любой другой день, с зарядки. Звенья проводят ее отдельно, каждое так, как считает наиболее целесообразным — в соответствии с планом игры. Во время зарядки происходит окончательное уточнение задания, капитан звена вырабатывает с товарищами план и потом на общем собрании команды докладывает об этом руководству. Собрания эти проводятся обычно перед обедом, так что еще остается время уточнить с тренерами неясные моменты. Если же на вопрос старшего тренера, все ли ясно, следует молчание, то считается, что план принят единогласно.

Самостоятельное обсуждение и уточнение игрового задания повышают ответственность каждого спортсмена, формируют навык к анализу, и хоккеист таким образом проходит первый класс подготовки к своей будущей работе в должности тренера.

По дороге в Москву, по пути на стадион стараемся говорить о чем угодно, только не о хоккее, однако мысленно мы уже в Лужниках, на льду, всматриваемся в лица спартаковцев, вспоминаем их игру, их излюбленные маневры, приемы ведения атаки, построение обороны. Так все было и в тот майский день 1969 года, когда мы ехали на матч, который должен был решить, кто станет чемпионом страны... Сколько лет прошло, а я помню наш поединок прекрасно. Да и читатель, я убежден, не забыл тот драматический матч. Его помнят болельщики, переполнившие Дворец спорта в Лужниках. Его помнят и миллионы телеболельщиков. Ведь это тот матч, который был прерван на тридцать минут.

Мы, хоккеисты ЦСКА, до сих пор считаем, что золотые медали «увели» у нас буквально из-под носа. Мы проигрывали в середине третьего периода 1:2, а нам нужна была победа, и за одну секунду до последней смены ворот, на исходе десятой минуты, мы забросили долгожданную ответную шайбу. То был красивый гол. И вдруг выяснилось, что не следует верить своим глазам. Хотя табло свидетельствовало о том, что до смены ворот осталась еще одна секунда, судья из-за борта заявил, что часы якобы испорчены, что он берет время по контрольному секундомеру, что время первой половины третьего периода матча истекло, и он будто бы дал свисток.

Впоследствии обнаружили люди, которые утверждали, что этот свисток слышали. Я его не слышал.

Гол не засчитали. Вскипели яростные споры, ведь нам было до слез обидно. Тарасов ушел в раздевалку и увел команду. (Потом он был за это строго наказан и лишился, правда, ненадолго, звания заслуженного тренера СССР.) Конечно же, не надо было задерживать матч: зрители, пришедшие на стадион и собравшиеся у телеприемников, тут были ни при чем, но можно понять и тренера и нас. И только ли наш тренер виноват в происшедшем? Из-за чьей халатности возник инцидент? Почему не известили тренеров и игроков, что часы не в порядке? Интересная подробность: когда проверяли табло после матча, то все было в порядке, вся сложная система отсчета времени работала, как и прежде, безукоризненно.

Наша команда была в ужасном настроении, играть после возвращения на лед в полную силу мы уже не могли, в конце концов проиграли со счетом 1:3 и вынуждены были довольствоваться серебряными медалями.

Меня эта загадочная история огорчила еще и потому, что я этой весной впервые стал чемпионом мира, а вот стать чемпионом СССР не смог...

Матч за матчем. Сезон за сезоном. Длинная-длинная вереница хоккейных встреч. Упругий, насыщенный ритм жизни. Я знаю, что буду делать завтра, где буду через три дня и куда поеду через неделю. Хорошо изучил расписание самолетов на Новосибирск, Челябинск, Прагу и Стокгольм. В октябре, ноябре, феврале и марте играю против Александра Якушева и Александра Мальцева, а в сентябре вместе с двумя Сашами против Фила Эспозито и Бобби Халла, а в декабре и апреле против Владимира Мартинца, Франтишека Поспишила, Дана Лабраатена и Ульфа Нильссона.

Матч за матчем. Сезон за сезоном. И вдруг цепочка рвется. Пауза. Вынужденная пауза. Команда тренируется и играет без меня. Без меня вылетает команда за океан по маршруту, уже освоенному советскими хоккеистами, — в Монреаль. А я остаюсь в Москве, в Лефортово. Портативный телевизор в палате госпиталя. Впервые за многие годы я пропускаю великолепный, красочный и шумный праздник хоккея, довольствуясь маленьким окошком, через которое можно увидеть, увы, немного. Заходят друзья, партнеры по звену, оставшиеся в Москве. Тоже скучают, тоскуют. Впервые против профессионалов сборная СССР выступает без нашей тройки.

Тренерам, конечно, виднее, как строить игру, как формировать команду, как готовиться к Олимпиаде, которая ждет нас через четыре года, однако нам кажется — и Михайлову, и Петрову, и мне, — что ведущие игроки песни не испортили бы. Что же касается молодых, то и им бы места в составе хватило — ведь двадцать пять человек можно было включить в команду.

Я говорил уже об относительности «хоккейного возраста», хочу лишь раз напомнить, что иные дебютанты, например, двадцативосьмилетние вратарь Михаил Василенок и нападающий Валерий Белоусов — ровесники Александра Мальцева и Владимира Шадрина и на год старше Владимира Лутченко и Валерия Васильева, на три года старше Виктора Шалимова, на четыре — Владимира Третьяка и на пять — Сергея Капустина. Почему же у них больше шансов выступать в 1980 году, чем у перечисленных мною ветеранов главной команды страны?

Впрочем, это не самое важное. Важнее другое — о какой настоящей проверке может идти речь, если вратарь Василенок так и не появлялся на площадке, если ни разу не видели мы на льду защитника Виктора Кузнецова, если считанные минуты (да и то против аутсайдеров турнира) сыграл Александр Голиков.

Включив новичков в команду, что само по себе было смелым решением, следовало бы так же смело и проверять дебютантов на деле. Тем более, что самые молодые хоккеисты команды —

Сергей Бабинов, Александр Бежлялетдинов и Борис Александров, которым по 21 году, 22-летний Виктор Жлуктов, 23-летние Владимир Ковин и Александр Скворцов (их ровесника Сергея Капустина я отношу к более опытным мастерам) — сыграли неплохо. В одних матчах игра у них получалась лучше, в других хуже, но общий экзамен, как мне показалось, судя по телерепортажам, они выдержали.

Считаю, что наши тренеры, возглавляемые Виктором Васильевичем Тихоновым, работали с хоккеистами прекрасно. Они поехали за океан на труднейший турнир с командой, которая, в сущности, не имела двух первых звеньев, и тем не менее сборная произвела хорошее впечатление. И если я высказываю некоторые критические замечания, то только потому, что, на мой взгляд, надо было дать больше сыграть всем хоккеистам, которых хотели проверить.

Я неопытный телеболельщик, если речь идет о хоккее. Нет навыка: привык воспринимать игру с площадки или со скамейки, где ждем мы своего черед а выйти на лед. Но что мне осталось делать? Когда в пятницу 10 сентября меня выписали из госпиталя, я чуть ли не каждые четверть часа поглядывал на часы — ждал начала телерепортажа о матче команд СССР и США.

Цветной телевизор с большим экраном давал возможность увидеть больше, чем портативная «Юность». И вот репортаж начинается. Показывают наших хоккеистов, показывают американцев. Камера скользит по трибунам, и я, конечно же, узнаю каток «Спектрум» в Филадельфии, где играли мы с командой Фреда Широ «Филадельфия Флайерс».

«Кубок Канады» — так называется этот турнир, но не только в канадских городах Монреале, Торонто и Оттаве проводятся матчи. Против двух сильнейших европейских команд — Чехословакии и Советского Союза — американцы решили сыграть у себя дома, в Филадельфии, где, как мы убедились на собственном опыте в январе 1976 года, «стены» действительно помогают.

Вот-вот начнется игра.

На льду — первое звено. Признаюсь, решение тренеров озадачило меня: на площадке Скворцов — Ковин — Белоусов. Видимо, тренеры решили, что эта тройка, пожалуй, самая скоростная, задаст тон всей игре. А может, решение продиктовано иными соображениями? Обычно тренер команды первыми на лед выпускает самых сильных. Может быть, тренеры решили нейтрализовать атаки американцев силами тройки Ковина, а удар нанести оставшимися, более опытными звеньями?

Сижу и гадаю. Эх, оказаться бы хоть на минуту в филладельфийском «Спектруме», получить бы ответы на все вопросы!

Наши играют энергично, смело, быстро. В составе команды перестройка: вместе с Александровым и Жлуктовым снова выступает Викулов, многоопытный Викулов. Я рад тебя видеть снова в сборной, мой давний товарищ! В звене рядом с молодыми хоккеистами ты должен быть лидером, ведь тебе хорошо знакома роль наставника молодых нападающих, кто лучше тебя, техничного, хладнокровного, умного, может сплотить молодежь? В свое время ты много сделал для меня, а теперь помогаешь Жлуктову и Александрову. Два сезона ты играешь с ними в одной тройке, и твои партнеры действуют все увереннее, все меньше суетятся, все больше забывают.

Так я сижу у телевизора и беседую с Викуловым, а потом с не меньшим удовольствием переключаюсь на Сашу Мальцева. Мой старый друг играет вместе с Сергеем Капустиным и Хельмутом Балдерисом. И как играет! То ли его молодежь заводит, то ли он вдохновляет молодежь, — так или иначе, звено в первые минуты смотрится отлично. А ведь сейчас, в эту «микроманду» собраны форварды, привыкшие быть лидерами, играть на острие атаки. Все трое всегда нацелены на ворота, все умеют и любят забивать, а вот выступать в роли подыгрывающих желания обычно не проявляют.

Темп матча высок. Американцы играют жестко, но грубости откровенной мало, если не считать того, что Дженсен ударил локтем Бабинова в лицо. Но вот очередная атака нашей команды. Шайба адресована Викулову, тот с ходу отправляет ее назад Гусеву (и как он сумел увидеть набегающего Гусева?!), Саша делает два-три шага вперед, замахивается, вратарь американцев Курран готовится к броску, и в это мгновение наш защитник отдает шайбу Александрову. И Борис открывает счет. А вскоре три явных голевых момента создают Мальцев и Балдерис, но шайба летит мимо цели, а потом Викулов устраивает еще один праздник молодым своим партнерам: Александров вновь добивается успеха — 2:0.

Я вижу, чувствую, что американцы начинают нервничать. Все чаще и чаще нарушают они правила, вспыхивают стычки, и хотя судьи справляются с делом, многие нарушения они все-таки не фиксируют.

Я не люблю играть с американскими профессионалами. Они слабее канадцев — не так техничны, менее интересны в тактическом плане, а вот темперамент у них такой же, и нравы те же, а поскольку техники не хватает, то к слепой силе, к дракам они прибегают чаще. Вот почему так важно, что молодые — и Ко-

вин, и Скворцов, и Белялетдинов, впервые играющие с профессионалами, — смогли познакомиться с ними поближе.

Шайба остановлена. Музыкальная пауза. Я уже привык к этим необычным антрактам. Прежде они не то что мешали, скорее отвлекали от игры, а потом мы привыкли и, когда все хорошо, даже подпеваем музыкантам.

Звено Жлуктова разыгралось. Теперь уже никто не остановит ребят. Это один из неписаных законов хоккея: если не пошла игра, то, сколько ни старайся, с блеском действовать в этом матче ты не сможешь, хотя большие мастера ниже какого-то пристойного уровня не опускаются ни при каких условиях. А если все получается с самого начала, то играешь с каждой минутой все лучше. Но американцы стараются переломить ход борьбы, играют все более резко. Вот кто-то из защитников пытается «размазать» нашего форварда по борту. Вижу, как тряхнули Васильева. Ничего, Валерий не прощает ни одному обидчику — это его закон. А вот еще один гол в ворота Куррана! Викулов выдал классный пас на «пяточек» Александрову, вратарь отразил бросок Бориса, но Жлуктов был тут как тут.

По телевизору не так заметна грубость американских хоккеистов: камеры следят за шайбой, и телезрители не видят бесконечных отмашек игроков, остающихся за кадром. Третьяку приходится нелегко. Много бросков. Он все время в игре. Бросают американцы здорово — точно, сильно, при первой же возможности. Да, в искусстве броска мы, пожалуй, пока уступаем заокеанским соперникам. И я словно слышу свист шайбы, невольно пытаюсь принять ее на грудь, защитить нашего вратаря. Наверное, смешно я выгляжу со стороны: дергаюсь, размахиваю руками и даже пытаюсь провести силовой прием. Ох, как трудно хоккеисту смотреть игру по телевизору! И какую игру! На кубок Канады! С нетерпением жду второго периода, и он начинается для нас удачно. Викулов как-то не спеша въехал в зону соперника, показал, что ищет партнера, которому сейчас отдаст шайбу, и неожиданно бросил. У Володи сильный кистевой бросок, швыряет он шайбу точно и без замаха клошкой, Курран и глазом не моргнул, как шайба над его правым плечом влетела в верхний угол ворот...

Ну что же, 4:0 — это счет! И мне особенно приятно, что ко всем четырем голам приложил свою руку Викулов. И дело не только в голах — Викулов играет просто блестяще. Да и Мальцев не отстает от него. Ни разу не бился Саша с хоккеистами НХЛ так смело, как на этом турнире. Видимо, повязка капитана команды обязывает. Но вот удаляют Васильева, а затем и Белялетдинова. На площадке появляется Юрий Лебедев. Догадываюсь, почему Виктор Васильевич Тихонов послал на лед имен-

но этого нападающего. Юрий хитер, отважен, очень хорошо понимает хоккей. Один из самых грамотных хоккеистов. Мне трудно играть против него. Катается Лебедев вроде бы и не очень быстро, но вот никуда от него не денешься.

Третьяк поймал шайбу, а соперник умышленно ударил его по рукам. Позорный эпизод! Вратарь — это половина команды, и хоккеисты всех стран обычно с подчеркнутым уважением относятся к стражам ворот. И к своим. И к чужим.

О чем говорил Тихонов команде в перерыве между вторым и третьим периодами? Не слышал, но догадаться нетрудно. Тренер, конечно, напомнил о том, что американцы не смиряются с поражением, тем более на своем льду. Что в предыдущем матче хоккеисты США отобрали очко у чемпионов мира — чехословацкой команды, причем по ходу игры сборная ЧССР проигрывала 2:4. Что и канадцы выиграли у своих соседей с преимуществом всего в две шайбы, причем вторую они забили в тот момент, когда американцы, пытаясь отыграться, заменили вратаря шестым полевым игроком. И, конечно же, Тихонов предупредил команду, что американцы, которым терять уже нечего, полезут напролом, и нам нужно терпеть, не ввязываться в драку, но в единоборствах не уступать, а в скорости не проигрывать. Сколько раз приходилось мне выслушивать торопливые тренерские наставления! Иногда злишься: «Отдохнуть спокойно не дадут», иногда отбрасываешь в сторону усталость и ловишь каждое слово. Но слушать рекомендации тренера «за кадром» не приходилось никогда. Оказывается, можно и так. И когда в третьем периоде разгорелась на льду яростная силовая борьба, то и дело выходящая за границы правил, я по действиям наших еще раз убедился, что правильно «услышал» те рекомендации, которые давал им тренер...

У нас — большинство: хоккеист из команды США на скамье штрафников. На площадке, как и всегда в этом случае, сильнейшие — пятерка Жлуктова. Но, увы, гола нет. Почему? Лихорадочно ищу ответ на этот вопрос, как будто если и найду разгадку, смогу подсказать правильное решение ребятам.

— Больше двигайтесь! — кричу я. — Идите на сближение! Жена усмехается:

— Без тебя они не знают, как надо использовать «лишнего» игрока!

А американцы навязывают нашим ребятам бокс, и те сдерживаются, не отвечают на провокации. Трудно на льду! Очень трудно! Но, наконец, Репнев, появившийся вместе с Лебедевым и Голиковым, забивает пятую шайбу. Игра катится к концу. Еще несколько атак, и вот звучит сирена, а я утираю пот и чув-

ствую себя таким усталым, будто провел эти два часа не в кресле, а на льду.

Самый памятный матч? Нелегко выбрать только один поединок, только одну какую-то встречу. Они все в моей памяти — и первый матч в Новосибирске, и первый выход в Лужниках, и первая игра в шведском «Юханнесхофе», и матчи со «Спартак-ом» и с «Крылышками», с «Динамо» и с профессионалами, с чехословацкими соперниками и со шведами. И вот теперь матч нашей команды в «Спектруме» со сборной США. Первый матч, сыгранный мною после выхода из госпиталя.

ТРУДНО БЫТЬ «ЗВЕЗДОЙ»

Мы, хоккеисты, этого слова — «звезда» — не любим. Наверное, потому, что когда-то возникло на страницах нашей печати такое понятие, как «звездная болезнь». Как оно родилось? От хоккеистов постарше слышал, что лет двадцать назад появился фельетон Семена Нариньяни о знаменитом футболисте, совершившем тяжкий проступок. Фельетон был написан, рассказывают, блестяще, прочитали его, разумеется, все, и с тех пор слово «звезда», если речь шла о спорте, стало весьма непопулярным, почти ругательным. Звездой балета быть можно, звездой эстрады — тоже, но вот звездой хоккея или футбола — рискованно.

И все-таки звезды в хоккее водятся. Это не только Опп, Эспозито, Кларк, Маховлич, но и Третьяк, Мальцев, Якушев, Мартинец... Список можно продолжить.

Легко ли быть звездой? Нет, конечно же, нет! И не только потому, что требуются талант, колоссальное трудолюбие, но и потому, что с звезды огромный спрос. И то, что тренеры прощают хоккеисту, скажем, из третьей тройки, они ни за что не простят мастеру из ведущего звена.

И, наконец, еще одно немаловажное соображение — отношение соперника. Я не причисляю себя к звездной когорте, хотя и не могу пожаловаться на недостаток хвалебных отзывов, на невнимание печати. Дело в том, что я знаю, как много у меня еще недостатков в игре, хотя от некоторых из них я уже, как мне кажется, начинаю избавляться. Но я вижу немало неиспользованных возможностей, вижу, над чем предстоит работать, и потому, повторяю, убежден, что до совершенства мне еще далеко.

Прошлой зимой случилась со мной крайне неприятная история. Во время матча я не удержался и ударил кулаком хоккеиста «Химики», моего бывшего партнера Владимира Смагина. Мы

вместе с ним играли когда-то. За этот проступок я был удален с поля на пять минут. Об инциденте много писали и говорили. И все, естественно, дружно меня осуждали... Справедливо осуждали. Я заслужил это всеобщее порицание и оправдываться не хочу. Меня осуждали на СТК — спортивно-технической комиссии Федерации хоккея, я каялся, каялся искренне, говорил, что это в первый и в последний раз.

Но было мне и тошно и вместе с тем обидно. Прощать мою грубость ни в коем случае, конечно же, не следовало, но и раздувать этот эпизод до такой степени тоже было несправедливо. Слушая, что говорили обо мне, я удивлялся. Говорили, что моя драчливость стала системой, что я постоянно нарушаю правила, спорю с судьями, считаю себя незаменимым и вообще позволяю себе черт знает что. Но когда же я забиваю, если только и умею что драться?

И теперь, когда боль поутихла, хочется сказать несколько слов по поводу этого печального происшествия.

Судьи на моем примере хотели показать, что у нас спрос со всех равный, независимо от титулов и званий. Но в том-то и дело, что спрос далеко не равный. Если ошибется, нарушит правило рядовой игрок, никто и внимания на это не обратит, а ошибется кто-то из ведущих, так сейчас же начинаются разговоры о том, что такой-то зазнался, многое себе позволяет, считает себя незаменимым. Нужно ли Фирсову или Мальцеву, Якушеву или Викулову драться, играть грубо, выходить за рамки правил? Да нет, не нужно. У них и других аргументов хватает, чтобы выиграть дуэль у соперника, но, случается, что и они грубят. Почему? Я твердо знаю: не по своей воле идут они на такой путь ведения игры. Их провоцируют, им не дают играть, и в конце концов Якушев или Мальцев «дают сдачу», потому что терпение их лопается. Я обращаюсь к судьям: «Будьте, товарищи судьи, внимательны, вы же понимаете и любите хоккей не меньше нас. Так пожалейте ведущих хоккеистов. Играют они больше других, их посылают на лед, когда команде трудно. Потому-то им и достаётся больше всех: поскольку мастерства для борьбы с ними не у всех хватает, то и используется «грязный» хоккей. Пресекайте недозволенные приемы — первая обязанность судей».

Я спросил однажды популярного судью, близкого к руководящим сферам нашего хоккея:

— Неужели вы не видели, что такой-то несколько раз меня ударил?

— А что он еще может сделать? — ответил судья.

Но разве это довод? Тогда давайте запишем в правилах игры, что молодые, неопытные хоккеисты, которым не хватает технической подготовки и тактического кругозора, имеют право

бить ведущих игроков. А пока правила игры едины, малотехническому игроку не позволено играть в «грязный» хоккей.

Да, иногда я не сдерживаюсь и срываюсь на грубость, потому что — слаб человек! — не хватает терпения, невыносимо тяжело подставлять правую щеку, когда тебя бьют по левой. Раз, второй тебя зацепят, потом попробуют тиснуть у своих ворот, когда и шайбы-то еще близко нет, затем снесут с ног, причем постараются сделать это в тот момент, когда судья отвернулся. Ты за шайбой следишь, за перемещениями партнеров, пытаешься предугадать направление развития атаки, а твоему опекуну наплевать на шайбу, он за судьей следит, и как только тот отвлечется... Но стоит тебе не выдержать и дать сдачу, как выясняется, что судья все отлично видит, и тебя тут же гонят с поля, а потом еще приглашают на СТК.

И игроки, которым еще далеко до зрелости, почувствовали тенденцию судей. При первой же стычке с игроком сборной или просто с именитым хоккеистом они тут же имитируют катастрофу, но сами бьют ведущих игроков при малейшей возможности. Если сосчитать шрамы, то у многих хоккеистов их меньше, чем у игроков сборной. И не только потому, что мы играем с канадцами. Мы и дома вынуждены часто обращаться к врачу.

Однажды в матче ЦСКА с «Химиком» была удалена сразу вся тройка — Александров, Жлуктов и Викулов. Но едва ли найдется такой хоккеист, в том числе из рядов «Химика», который мог бы допустить мысль о том, что Викулов — грубиян. Володя тщательно избегает «грязного» хоккея, в подавляющем большинстве случаев не отвечает на удары, ну, а уж если и вступает в схватку, то, значит, довели человека. А «Химик», надо сказать, умеет это делать.

Когда-то Борис Александров отличался невыдержанностью, был инициатором многих стычек. Его наказывали судьи, отчаянно ругали тренеры, увещевали его товарищи, и теперь нельзя не видеть, что Александров уже не тот забияка, что прежде, но соперники и сегодня умело пользуются его репутацией. Они стремятся затеять стычку с Борисом, и прав он или виноват, судьи по инерции удаляют именно Александрова. Терпеть не могу так называемых «тихих» хоккеистов, нарушающих правила исподтишка. Терпеть не могу подлости. Отличие ведущего хоккеиста от мастера заурядного, серенького заключается не только в уровне мастерства, в классе игры, но и в том, что заурядному хоккеисту не хватает великодушия, тактичности.

Многие тренеры и судьи снисходительны к подобным «среднякам». Тренер хвалит такого хоккеиста едва ли не на каждой тренировке:

— Петров (или Гусев, или Лутченко, или Михайлов!), бери пример с... Смотри, как старательно, как добросовестно выполняет он упражнение! Вот и ты так должен работать на тренировке!..

А чему должны учиться у партнера, играющего в третьем звене или пока еще только мечтающего попасть в это звено, Петров или Лутченко, понять нелегко. Но вот начинается матч, и если середнячок упустит шанс, то тренер только вздохнет, если же оплошает кто-то из лидеров команды, то наставник обязательно скажет, что стыдно не использовать такие благоприятные ситуации, не забыв, конечно же, напомнить о необходимости более старательно тренироваться.

Игрок средний, из тех, что на вторых ролях, может многое себе позволить. Когда он нарушит режим, то тренер пожурит его, а если и накажет, то не слишком строго.

Хоккеист должен мечтать об успехах. Должен стремиться быть на первых ролях. Плох тот спортсмен, который не мечтает стать чемпионом, не мечтает одолеть, превзойти своих соперников. Однако...

Я не знаю, где грань между честолюбием и тщеславием, но знаю, что нехорошо специально обращать на себя внимание. Забросив шайбу, я не вздымаю вверх торжествующе свою клюшку. Это не первый гол и, надеюсь, не последний, говорю я себе. Можно торжествовать, забросив шайбу, которая принесла твоей команде звание чемпиона мира или олимпийского чемпиона, но стоит ли радоваться, забив гол в начале сезона, когда все еще впереди, когда ждут команду и тебя вместе с ней удачи и огорчения? Да и о сопернике подумать надо. Его чувства понять нужно. Так зачем эта демонстративная радость?

Не считаю я себя звездой потому, что, к сожалению, не раз подводил и тренеров, и команду, и себя. В конце лета 1975 года игра у меня шла легко и все получалось отлично. Мы выиграли два турнира, на мемориале Чкалова в Горьком я получил приз лучшего нападающего, и приз этот мне вручил сын Валерия Павловича Чкалова. Затем наша армейская команда выступала в Риге, в одной из подгрупп розыгрыша кубка газеты «Советский спорт», и заняла первое место, а я снова получил приз лучшего нападающего. И вот, каюсь, в этот момент я начал переоценивать свои силы, решил, что теперь могу считать себя зрелым игроком. И полагая, что высокой спортивной формы, столь необходимой для трудного олимпийского сезона, я уже достиг, решил дать себе некоторое послабление.

В начале сезона, в первых календарных матчах чемпионата страны я выступал неважно, и в основном из-за меня играла неважно и наша тройка. Когда меня упрекали, я ссылаясь на травмы, они и вправду были, но правда заключалась и в том,

что прежде они мне не мешали. Причина неудач была в другом — в том, что я был далек от соблюдения строгого спортивного режима. И вот меня вывели из сборной, команда поехала в Чехословакию без меня, и тогда мне впервые пришлось сидеть у телевизора. А когда наша сборная выиграла оба матча, то мне стало ясно, что команда может обойтись без меня и на Олимпийских играх. Незаменимых мастеров нет — это не голословное утверждение, а непреложный факт. Вот к какому выводу я пришел, дожидаясь возвращения сборной... Мне оставалось лишь одно — усиленно тренироваться. И спустя месяц меня вернули в сборную, а на турнире «Известий» я стал лучшим бомбардиром.

ТРЕНЕРЫ УЧАТ МЕНЯ

Я убежден, что хоккеист — и как спортсмен и как личность — представляет собой некую равнодействующую тех влияний, что оказывали на него тренеры. И если вы внимательно приглядитесь к игре Александра Мальцева, Владимира Шадрина или Бориса Михайлова, то сможете обнаружить плоды труда многих тренеров.

Что же это за человек — тренер? Каким он должен быть?

На эти вопросы одним словом не ответишь. Тренер должен быть и специалистом, и администратором, и тактиком, и педагогом, и психологом, и философом. Тренер един во многих лицах, это человек многих знаний, очень объемных знаний. Работать с людьми намного сложнее, чем с машинами. Этим я и объясняю, что теперь спортивные команды и в хоккее, и в футболе, и в баскетболе возглавляют два, а то и три тренера.

У каждого спортивного педагога, как и у каждого человека, есть свои сильные и слабые стороны. Но у тренера они более обнажены, чем у человека любой другой профессии. Тренер, как и учитель, сдает экзамены каждый день, а не только в дни чемпионата страны или Олимпийских игр.

О тренере чаще всего судят по очкам, набранным его командой. Много побед — хорош тренер, мало — плох. Потому и называют матч или чемпионат его экзаменом. Но тренер — это и педагог. Он постоянно, а не только в дни матчей общается со своими воспитанниками. Он каждый день перед их глазами, рядом с ними. Потому я и говорю о каждодневном испытании.

Мне повезло, я работал со многими выдающимися специалистами и педагогами, внимательно к ним присматривался и прислушивался, и все-таки я не рискую утверждать, что все тренеры должны быть такими, как, например, Анатолий Вла-

димирович Тарасов или Борис Павлович Кулагин, Константин Борисович Локтев или Аркадий Иванович Чернышев. Да и как скучно было бы жить, если бы все тренеры стали походить один на другого! На наше счастье, тренеры разные, и потому и отличаются друг от друга команды, потому и исповедуют они разные стили игры.

Команда — это более или менее удачное воплощение в жизни замысла тренера, и у каждого хоккейного педагога та команда, которую он заслуживает.

В силу разных причин положение тренера в хоккее более стабильно, нежели в футболе. Наши ведущие хоккейные специалисты имели возможность работать в своих клубах по десятку, а то и более лет, а Аркадий Иванович Чернышев бессменно возглавлял столичное «Динамо» около четверти века. На протяжении многих лет трудно было представить себе ЦСКА без Анатолия Владимировича Тарасова, воскресенский «Химик» — без Николая Семеновича Эпштейна, как сейчас рижское «Динамо» — без Виктора Васильевича Тихонова.

Тренеры определяют лицо своих команд, их игровой почерк, и, когда уходит спортивный наставник, игра команды меняется. Иногда постепенно, а иногда сразу.

В 1972 году чемпионат мира впервые проводился отдельно от Олимпийских игр. Я говорил уже, что на Белой Олимпиаде в Саппоро в сборной СССР Борис Михайлов и Владимир Петров выступали вместе с Юрием Блиновым, а я играл в составе так называемой «системы». Сыграли мы в Саппоро как будто неплохо. Завоевали олимпийское золото, и вдруг Чернышев и Тарасов, которые руководили сборной бессменно с 1963 года, подали заявление об отставке. Мы были огорчены, потрясены. Как же так? Сборная команда под их началом выиграла подряд три Олимпиады и девять чемпионатов мира, а они уходят. Казалось, что это невозможно! Но отставка их была принята, и сборную возглавили Всеволод Михайлович Бобров и Николай Георгиевич Пучков. И вот эта-то смена убедительно показала, как велика роль тренеров в команде.

Мой партнер по матчам в Саппоро Анатолий Фирсов на первенство мира в Прагу не поехал: тренеры решили не включать его в состав сборной. Вместо Фирсова играл Александр Мальцев, а Цыганков стал выступать не как полузащитник, регулярно подключающийся к атаке, а как защитник. Саша Мальцев намного моложе Анатолия Фирсова, в его игре было больше страсти, азарта, но у него в ту пору было меньше игровой практики, опыта, умения разбираться в происходящем. Фирсов играл оттянутым нападающим, вторым хавбеком, а Мальцева неудержимо тянуло вперед, ему хотелось забивать голы, играть

на острые атаки — ведь он прирожденный нападающий. И потому кому-то из нас — то Викулову, то мне — приходилось оставаться вместо Саши сзади, помогать своим защитникам. Саша получил приз лучшего нападающего чемпионата мира. Викулов стал самым результативным нападающим, а, в общем, слаженной игры не было, хотя нельзя сказать, что мы обижались друг на друга или мало помогали друг другу. Но то ли мы излишне старательно играли друг на друга, то ли, наоборот, каждый из нас проявлял ненужную инициативу и брал всю игру на себя — до сих пор точно сказать не могу, — но сыграли мы в Праге не так, как могли бы. Да и в обороне действовали неважно. Резкая смена тренеров не могла не отразиться на нашей игре, а времени сыгратья у нас не было.

Но, кроме стилевых различий в почерке того или иного тренера, есть у них всех и общая черта — единое понимание хоккея: ведь школа игры у них общая — советская. И это помогло нам вскоре найти общий язык с новым тренером сборной Бобровым...

Я начал учиться у больших тренеров еще до того, как меня включили в сборную страны, и потому получил немалое преимущество перед многими моими товарищами. Мальчишкой попал я в ЦСКА, а там с нами возились не только те тренеры, что прямо отвечали за детские команды, но и их более опытные коллеги, работающие с мастерами. Они опекали юных спортсменов, контролировали их учебу, и мы росли быстро.

Моим первым наставником был Виталий Георгиевич Ерфилов. Про таких говорят, что они обладают хорошим глазом. Володя Лутченко, Владислав Третьяк, Вячеслав Анисин, Александр Бодунов, Юрий Лебедев — все они прошли через руки Виталия Георгиевича. Заботливый, душевный человек, он мог прийти ко мне домой, если я пропустил тренировку, чтобы узнать, не заболел ли я. Он постоянно интересовался нашими отметками, взаимоотношениями со школой и учителями. Интересовался тренер и отношением родителей к хоккею, расспрашивал их, как мы ведем себя дома, помогаем ли по хозяйству, не отказываемся ли помочь, ссылаясь на занятость. И мы относились к Виталию Георгиевичу, как к одному из членов семьи.

Многим обязан я Борису Павловичу Кулагину. Именно он угадал во мне задатки хоккеиста. Это он посоветовал Анатолию Владимировичу Тарасову отозвать меня из армейской команды. И научил меня Кулагин многому и, главное, исподволь привил трудолюбие, способность переносить тяжелейшие нагрузки, без которых немислим сегодняшний хоккей.

Когда я был мальчишкой, то считал, что хоккей — это вечный праздник, в котором единственное огорчение — проиг-

рыш. Игра всегда была в радость, тренировки требовали немного силы и времени. Хоккей был в ту пору для меня лишь прекрасным увлечением. Необязательным увлечением. Но когда я подросток, окреп, когда стали приглашать меня в команду мастеров, то я вдруг столкнулся с совершенно иными требованиями: теперь меня ждали иные по содержанию тренировки, чрезвычайно объемные тренировки, и Борис Павлович не раз напоминал мне, что хоккей — это не только сбор урожая, что, конечно, само по себе тоже требует немало сил, но и посадка и уход за будущим урожаем. Это труд на тренировках, нелегкий труд, постоянный труд.

Фигурист Александр Зайцев как-то рассказывал, что к Ирине Родниной и к нему обращаются девочки и мальчики с письмами, проникнутыми восторгом и легкой завистью. Жизнь, мол, у вас — праздник: сверкающий лед, цветы, овалы, переполненные стадионы, путешествия в разные страны. И сколько бы Зайцев ни напоминал, что выступление фигуристов длится всего пять минут, а подготовка к этому выступлению — месяцы и годы, юные поклонники спорта почему-то этому не верят. Не верил рассказам о громадных нагрузках большого спорта и я, думал — запугивают, но вот в команде ЦСКА осмотрелся, поговорил с тренерами и понял, что знал хоккей лишь понаслышке. Хоккей не терпит лентяев, хвастунишек, говорунов, и это Борис Павлович Кулагин объяснил мне без лишних предисловий. Только любовь к хоккею, беззаветная, безоговорочная, может тебе помочь.

— Вдохновение закреплено соленым потом, максимальной самоотдачей хоккеиста. Нужно научиться себе во многом отказывать, не поддаваться слабостям, искушениям, согласиться на добровольное самоограничение — Большой спорт снисхождения не знает и поблажек не дает никому. Сегодня у твоего друга день рождения, отказаться неудобно — не в том дело, что неприлично, а в том, что тебе и самому хочется увидеть друзей, тебя, ты знаешь, ждут. Да, дружба и спорт не должны исключать друг друга, но если ты пришел в гости, то заставь себя отказаться от второй рюмки, от лишнего часа пребывания в приятной и интересной компании. И не потому, что ты боишься тренера, а потому, что завтра трудная тренировка и ты обязательно почувствуешь все допущенные излишества.

Тренер убеждал меня, что отказываться от простых и обычных житейских радостей необходимо не ради некоего абстрактного самоограничения, а во имя реальной цели: хорошей подготовки к каждому матчу, чемпионату, сезону.

— Если ты плохо поработал на тренировке, — втолковывал мне Кулагин, — это не просто прогул, а шаг назад. Тренировка

должна тебе давать больше, чем сама игра. Играя вполсилы, команда иногда добивается победы, а в тренировке всегда надо действовать в полную силу, не жалея себя.

Борис Павлович умеет подойти к каждому игроку, он тонко учитывает особенности характера спортсмена, и самый убедительный пример его педагогического мастерства — история взлета команды «Крылья Советов».

Когда после демобилизации Борис Павлович принял «Крылышки», команда играла ни шатко ни валко, на медали не рассчитывала, но и высшую лигу не покидала. И вот началось обновление коллектива. Один за другим появлялись в «Крылышках» новые игроки. Что же это были за хоккеисты? Многие считали, пытаясь объяснить победу «Крылышек» на чемпионате страны, что Кулагину удалось привлечь игроков сильнее армейских. Это не так. Хоккеистов Кулагин действительно подобрал приличных, но никак не выдающихся. Не было среди них мастеров масштаба Якушева или Лутченко, Мальцева или Гусева, но чемпионами они все-таки стали. Стали благодаря настойчивости, педагогическому искусству Бориса Павловича. Он собрал игроков, от которых по тем или иным соображениям отказались другие клубы, собрал «безнадежных», «неперспективных» и нашел ключ к сердцам двух десятков хоккеистов. Сумел доказать им, что у них большое будущее, и ребята поверили в себя, поверили в свое право стать сильными, поверили, что могут играть не хуже, чем хоккеисты сборной, и сами могут попасть в сборную.

Методы тренировочной работы оказались продуктивными — это, конечно, главное. Дело ведь не только в словах, в умении Кулагина убеждать, уговаривать, успокаивать своего подопечного. Команда интересно работала, интересно, по-своему играла, не робела перед знаменитыми соперниками.

Умение Бориса Павловича объяснить хоккеисту что к чему я почувствовал особенно хорошо осенью 1972 года. Проводилась первая серия игр советских хоккеистов со сборной НХЛ. Четыре матча сыграли мы в Канаде, четыре должны были провести в Москве. Нашу команду возглавляли Всеволод Михайлович Бобров и Борис Павлович Кулагин. Моими партнерами были Владимир Викулов и Александр Мальцев — о лучших товарищах и мечтать было трудно, но игра не ладилась. В Канаде мы выиграли два матча, один проиграли, и в одном была зафиксирована ничья. В Москве мы начали с победы, а во втором поединке уступили сопернику. В этой игре я получил травму и в третьей встрече не участвовал (вместо меня с Мальцевым и Викуловым играл Евгений Мишаков), и канадцы выиграли матч и по числу побед сравнялись с советской командой.

К последнему, решающему матчу я поправиться не успел и совсем было примирился с этим, как вдруг приходит ко мне Борис Павлович Кулагин. Начал он издалека. Рассказал о травмах, которые преследовали его, когда он еще выступал на хоккейной площадке, а потом неожиданно спросил:

— Как ты думаешь, повысится у спартаковцев настроение, если они узнают, что по какой-то причине не будут играть против них Харламов или Третьяк?

— Конечно, — сказал я, еще не понимая, куда клонит Борис Павлович.

— Вот-вот, — обрадовался он, — Значит, ты согласен, что отсутствие лидеров команды — это своеобразный допинг для канадцев?

Я, конечно, согласился. Как тут не согласиться: я ведь давно заметил, что если дадут тренеры передохнуть Владиславу Третьяку, то наши соперники начинают играть с тройным усердием и тройной старательностью: раз нет Третьяка, значит, у ЦСКА можно выиграть.

— Так вот, не будем давать этого допинга канадцам, — заключил Кулагин. — Они тебя знают и опасаются больше, чем других. Потому и нужно, чтобы ты вышел на последний матч. Сыграешь вполсилы, и то будет хорошо. Осторожненько катайся, на столкновения не иди... Пойми мое положение, сегодня нужно твое имя...

И я вышел на последний матч с канадцами.

Тот давний разговор с Борисом Павловичем я вспомнил спустя четыре года, когда наша сборная, возглавляемая Кулагиным, отправилась в Катовице на чемпионат мира по хоккею. В команде не было ни Владимира Петрова, ни Александра Гусева — хоккеистов, которых основательно побаиваются наши соперники, и угадать мысли и настроение тренера мне было трудно...

Но вернемся к моей молодости, к урокам того тренера, сотрудничать с которым мечтал каждый хоккеист, — к урокам Анатолия Владимировича Тарасова.

СТАРШИЕ МОИ ДРУЗЬЯ

Включаясь в компанию к Михайлову и Петрову, я был уже психологически подготовлен к трудностям, к колоссальным нагрузкам, принятым в ЦСКА.

Как-то один из моих товарищей по ЦСКА, отвечая на утешения по поводу поражения, сказал:

— Ничего страшного. Мы просто на год одолжили спартаковцам звание чемпионов. В следующем году они вернут нам его...

Попав в основной состав, я понял сразу же — здесь иные требования и иная дисциплина. Жесткая дисциплина. И дело не только в том, что это армейский клуб, как порой объясняют положение дел в нашей команде люди, не слишком сведущие в хоккее. Мы исповедуем дисциплину, обусловленную не одними лишь уставами. В лучшей команде любительского хоккея дисциплина иного рода. Да, утром мы встаем, как это предусмотрено временем подъема, и идем спать после отбоя. Но есть ли клубы в хоккее, футболе или регби — и в нашей стране, и в Чехословакии, и в Канаде, и в Англии, — где бы спортсмены, собравшись на предматчевый сбор, не подчинялись строгому распорядку дня, где бы тренеры не требовали неукоснительного соблюдения режима?!

Я говорю о другой дисциплине. Об отношении к хоккею, о выполнении хоккеистами своих обязанностей на площадке. Я говорю о преданности хоккею, о строжайшем выполнении установок тренера на матч, о тактической игровой дисциплине.

Анатолий Владимирович Тарасов требователен во всем, что так или иначе связано с хоккеем, и потому любое отклонение от правил, норм, традиций армейского клуба, любая, как он считает, измена хоккею строго наказываются. И если во время тренировки хоккеист (не важно, новичок или семикратный чемпион мира!) позволит себе передышку, не предусмотренную тренером, то провинившемуся, даже если он трижды олимпийский чемпион, житья на тренировке уже не будет.

Однажды во время занятий у меня развязался шнурок ботинка, и я остановился, нагнулся, чтобы завязать его, а Тарасов, заметив, что я на несколько мгновений выключился из тренировки, тут же перешел на «вы», что являлось у него высшим признаком недовольства:

— Молодой человек, вы украли у хоккея десять секунд и знайте, что наверстать их вам не удастся.

Эпизод этот довольно показателен. Без труда я мог бы припомнить и дюжину других. Анатолий Владимирович дорожит каждой секундой тренировки и требует такого же, как он однажды сказал, «святого отношения» к нашей любимой игре и от всех спортсменов.

Я попал к Тарасову, когда только начинал формироваться как мастер, играл и тренировался под его руководством многие годы и в ЦСКА и в сборной страны, и именно этот выдающийся тренер сыграл решающую роль в моей спортивной судьбе.

На занятиях, которыми руководит Тарасов, никогда не бывает пустот, простоев. Он всегда полон идей, порой весьма неожиданных, полон новых замыслов, которые нужно проверить сегодня, сейчас же. Не бывает так, чтобы Анатолий Владимирович пришел на занятия без новых упражнений. Он еще до выхода на лед разъяснит нам новинку и обязательно проверит, приняли ли мы его идею, поняли ли, для чего она необходима.

На льду Тарасов — маг, волшебник. Уже несколько поколений хоккеистов называют его великим тренером, чей авторитет, глубина суждений о хоккее не подлежат сомнению. Под его руководством команда ЦСКА почти два десятка раз становилась чемпионом Советского Союза. Думаю, что только специалисты-статистики смогут точно установить, сколько чемпионов мира вырастил Анатолий Владимирович в армейском клубе, сколько мастеров из других команд, признанных, опытных мастеров, едва ли не заново открывали свои возможности, сталкиваясь с Тарасовым в сборной страны.

Тарасова обуревали новые мысли и идеи и перед каждым матчем. С каждой командой Тарасов стремился играть по-разному. И если нам предстояли почти подряд два матча с главным нашим соперником — «Спартак», то на каждую игру у него обязательно был продуман свой план действий.

По Тарасову, тактическая, игровая дисциплина — это непреложный закон, но в то же время от нас требовали творчества, импровизации.

Начинается матч. Все игроки еще под впечатлением напутствий тренера. Они играют строго в соответствии с предложенным планом, все идет как надо, и все-таки... Инициатива у нас, а счет не открыт. И вот звучит команда: «Смена!» Усаживаемся на скамейку. На льду вместо нас другая тройка, а Тарасов встает со стула, подходит к нам, и мы слышим:

— Вы что, роботы? Вы же художники, артисты! Вы все знаете. Вносите в игру свои краски. Больше хитрости!

Его любимый вопрос: чем ты обогатил свое задание? И совсем не просто было угадать грань между верностью истине и правом на домысел. Этому умению Анатолий Владимирович учил нас настойчиво, день за днем, сезон за сезоном, пока наконец хоккеист не осваивал искусство импровизации в рамках игрового задания.

Мы знали, что наш тренер не прощает трусости, лени, халатного отношения к игре. Если кто-то в пылу схватки «заведется», нарушит правила и попадет на скамью штрафников, то тренер не будет сердиться, но если кто-нибудь из его учеников сыграет осторожно, трусливо, если кто-нибудь попросту испу-

гается, уклонится от единоборства, а потом, маскируя свой промах, полезет драться, то ему достанется по первое число.

Анатолий Владимирович любил сравнивать хоккей с боем. Он считал, что в спорте действуют те же нравственные и психологические законы: каждый имеет право рассчитывать на помощь партнера, товарища, и никто не имеет права подвести друга. Не устоишь, не выдержишь напряжения схватки — обрзается брешь, залатать которую в ходе боя трудно.

Максимализм знаменитого тренера не знал пределов. И этот максимализм не ограничивался бортами хоккейной площадки: вся жизнь, весь быт, утверждал Анатолий Владимирович, должны быть подчинены хоккею. Исключений из этого правила для настоящего мастера нет. И не может быть.

У меня не шел бросок. Бросал я хотя и неожиданно и точно, но не сильно, и тренер поставил передо мной задачу: когда в руках у меня нет клюшки, заменять ее теннисным мячом, сжимать и разжимать его, непрерывно вырабатывая силу рук. И я не расставался с теннисным мячом. Но однажды, торопясь в столовую, я забыл мячик, и Тарасов, тут же заметив, что мяча в руках у меня нет, строго спросил:

— А где мячик?

Я пытался объяснить, что иду обедать, но Анатолий Владимирович был непреклонен:

— Куда бы ты ни шел, мяч должен быть с тобой.

Заниматься с Тарасовым было интересно. Хотя и трудно. Очень трудно. Но усилия наши окупались сторицей. Многоопытный тренер замечал все, и это помогало спортсмену. Когда я был помоложе, Анатолий Владимирович буквально после каждого матча находил у меня недостатки, и я порой удивлялся. Ведь команда выиграла, и с крупным счетом, и наше звено набросало кучу шайб — так в чем же дело? Но Тарасов утверждал, что я плохо маневрировал. Через два дня выяснялось, что маневр у меня стал получше, но я не использую смену ритма. А потом тренер обращал внимание на то, что я выдал всего лишь два точных паса.

Анатолий Владимирович неизменно подчеркивал мои сильные стороны, но не давал возможности примиряться со слабыми.

Перед каждым матчем он умело настраивал свою команду. Нас трудно было чем-нибудь удивить, и порой перед установкой на игру мы были настроены скептически: для чего лишние разговоры, мы и так все знаем? Знаем, чем силен «Спартак» и чем опасна сборная Чехословакии. И тем не менее Анатолий Владимирович нередко приводил нас в изумление, раскрывая ту или иную неведомую нам деталь, а то вдруг заво-

дя разговор не о силе соперника, а о его слабости. А вот перед встречей с соперником слабым Анатолий Владимирович мог так расписать мощь и коварство хоккеистов «Сибири» или сборной Швейцарии, что у молодых игроков от волнения начинали предательски дрожать коленки.

Но если в пределах хоккейной площадки Анатолий Владимирович, безусловно, наивысший судья и авторитет для всех хоккеистов — и новичков и ветеранов, — то за ее пределами он не раз подвергался критике. Одни полагали, что Тарасов абсолютно прав во всех своих конфликтах с игроками — это, мол, такая публика, им только сделай поблажку, сразу на голову сядут. Другие же полагали, что от тренера требуется более сердечное отношение к игроку, умение прощать его маленькие слабости, а если не прощать, то хотя бы понимать, ведь фанатизм порой утомляет. С Анатолием Владимировичем всегда было и интересно и вместе с тем тяжело. С ним не расслабишься, не пошутишь. Чувствуешь себя во всем скованным. И все разговоры в конечном счете сводятся к одному — хоккею. А иногда так хочется расслабиться, забыть о нем.

Конфликты Анатолия Владимировича с хоккеистами не редкость. Все, кто интересуется хоккеем, слышали о них. Я готов понять обе стороны. И тренера. И игроков. Понятны требовательность тренера, его фанатизм, безграничная и безмерная любовь к хоккею. Понятно его желание, его стремление требовать такого же отношения к хоккею и от спортсменов. В конце концов он подает личный пример такого беззаветного служения хоккею (я взял термин из лексикона Анатолия Владимировича), но... не каждому такой максимализм по плечу.

Иной человек — Аркадий Иванович Чернышев. Не знаю, кто это счастливо придумал соединить вместе столь диаметрально противоположных, столь невообразимо разных людей и тренеров. Вроде бы они должны безоговорочно исключать друг друга. А они поразительно удачно дополняли.

Я не берусь судить, как, каким путем приходили они к единому мнению о составе, который отправлялся в Люблян, Гренобль или Стокгольм. Я не знаю, что предшествовало той минуте, когда они объявляли план игры на предстоящий матч, когда высказывали нам замечания, давали советы. Знаю только одно: они выступали всегда единым фронтом.

Аркадий Иванович в отличие от Анатолия Владимировича отходчив, мягок, вежлив, неизменно спокоен — по крайней мере внешне. Он всегда сдержан и корректен. Чернышев умело успокоит хоккеистов, смягчит темпераментные, порой излишне резкие тирады своего коллеги; он весьма осмотрителен в выборе выражений и, кажется, никогда ничего не делает и не

говорит, не взвесив предварительно все возможные «за» и «против».

Разумеется, я знаю Аркадия Ивановича значительно меньше, чем Анатолия Владимировича: ведь он работал с нами, армейцами, только в сборной, тогда как Тарасова мы видели изо дня в день. Аркадий Иванович всегда был внимателен к игрокам, жил их заботами; к нему всегда можно было прийти «излить душу», даже в тех случаях, когда причиной огорчения были дела вовсе и не хоккейные. Он нас выслушивал с видимым интересом и вниманием. А как важно чувствовать, что твои жалобы или сомнения не в тягость собеседнику, не отвлекают его от более важных дел!

Лейтмотив всего поведения Аркадия Ивановича в его отношениях с людьми был неизменен — спокойствие. Он как никто умел перед матчем искусно снимать неизбежное психологическое напряжение, вносить умиротворение в смятенные наши души. В 1969 году наша тройка дебютировала на чемпионате мира. Сыграли мы, по общему мнению, успешно, но ошибок у нас было, конечно же, немало, и одна из них, моя личная, имела весьма печальные последствия. Матч второго круга между командами СССР и Чехословакии представлялся решающим для исхода всего турнира. В первом круге мы проиграли, но и чехословацкие хоккеисты, в свою очередь, уступили шведам. Наша же команда обыграла «Тре Крунур», и потому после первого круга все три сборные как по набранным, так и по потерянным очкам были в равном положении.

То был последний чемпионат, в котором принимала участие команда Канады. Заокеанские хоккеисты проиграли свои матчи первого круга всем трем сильнейшим европейским командам. Вот почему при равенстве положения всех лидеров матчи второго круга приобрели вдвойне важное значение. И вот поединок с чехословацкой сборной. Он начался для нас неудачно. Мы пропустили две шайбы, затем ценой громадных усилий отквитали их, и счет стал ничейным (шайбы забросили я и Анатолий Фирсов), и в третий период, когда до конца встречи оставалось всего 12 минут, мы пропустили третий гол. И виноват в этом был я. Получив шайбу, я, как говорят в таких случаях, «завелся» и потерял ее в нашей зоне, дав возможность защитнику Хорешовски вывести свою команду вперед. Мы рванулись отыгрываться, и спустя полторы минуты Ярослав Холик забросил четвертую шайбу. Сборная СССР потерпела поражение.

В нашей раздевалке после матча царила гнетущая тишина. Ужасная тишина. Никто из ребят не упрекал меня, кто-то даже, проходя, постучал клюшкой по моему щитку: не расстраивайся, мол, не убивайся — всякое случается. А я протирал коньки и ду-

мал о том, что из-за меня, из-за моей непростительной ошибки мы проиграли.

Как же мне было стыдно! Шесть раз подряд наши ребята возвращались с мировых чемпионатов победителями, и вот я помешал им в седьмой раз получить золотые медали. Было от чего заплакать. И я заплакал.

И тут же ко мне подошел Аркадий Иванович и абсолютно спокойно, вроде бы даже не утешая, сказал:

— Ну, знаешь ли... Если ты так близко к сердцу будешь принимать каждую неудачу, то тебя не хватит надолго.

Если бы Аркадий Иванович стал в ту минуту доказывать мне, что не все проиграно, не все потеряно, что есть еще кое-какие шансы, то я бы ему, конечно же, не поверил. А тут будничность его слов вдруг вселила в меня надежду. Подумаешь, ошибся! Возьму и в следующей игре покажу, на что способен.

Конечно, через несколько дней я понял, что Чернышев был страшно огорчен моей ошибкой, что он считал меня и вратаря Виктора Зингера виноватыми в поражении команды, но мне о моей вине перед командой Аркадий Иванович сказал только после того, как мы стали чемпионами... Да, мы все же стали чемпионами. Команда Чехословакии уступила шведским хоккеистам, которых мы обыграли вторично, и исход борьбы был решен в последнем матче, в котором мы встречались с канадцами. Мы выиграли этот матч и благодаря лучшей разнице заброшенных и пропущенных шайб добились невозможного.

Впоследствии я научился беречь нервную энергию, а главное, верить в чудеса, без которых хоккей не может существовать. Конечно, я понимаю, что на чудо можно надеяться, но нельзя и самому теряться. Но это уже вопрос, связанный с мастерством. И здесь мне еще раз хочется вспомнить другого тренера сборной, сменившего на этом ответственном посту Аркадия Ивановича Чернышева. Бобров был в свое время первоклассным хоккеистом, одним из сильнейших мастеров своего времени, и, разбирая игру, делая замечания спортсменам, он не однажды приводил примеры из собственного опыта, доходчивые, заставлявшие нас задумываться.

Тот хоккей, в который играли Бобров и его товарищи, принес нам первые победы на чемпионате мира и на Олимпийских играх, но мы, их наследники, играем теперь иначе, действуем на других скоростях. И как же повезло мне и моим сверстникам, что Анатолий Владимирович Тарасов смог передать тренерский жезл одному из своих учеников, хоккеисту не вчерашнего, а сегодняшнего дня — Константину Локтеву!

Константин Борисович Локтев, мой нынешний тренер, представляет новое поколение спортивных педагогов. Он сохра-

няет традиции нашего клуба, заложенные Тарасовым, а затем и Кулагиным. Все в ЦСКА вроде бы осталось тем же, но в то же время содержание тренировок несколько изменилось.

Константин Борисович успел поработать со многими хоккеистами, с которыми он вместе играл. Но шли годы, ветераны один за другим покидали команду, и сейчас практически лишь один Володя Вилулов может похвастаться, что играл вместе со старшим тренером ЦСКА.

Локтев — заслуженный тренер СССР, один из наставников сборной страны. Он руководил командой и в Инсбруке, где мы стали олимпийскими чемпионами. Но Локтев еще и сравнительно молод. Он хорошо помнит время, когда он играл, хорошо понимает настроения сегодняшних своих подопечных, и именно потому сумел Константин Борисович найти весомый аргумент в дискуссии с теми нашими армейскими хоккеистами, которые периодически доказывали ему, что на сборы перед матчами собираться не надо, что и сами тренировки пора бы для них, ветеранов, сократить и поджать.

Локтев как-то сказал нам:

— Задним числом все умны. Все мы — что к чему — соображаем позже. Упущенного не вернешь. Только жалеть потом о хоккейной молодости станешь. Я и сам когда-то доказывал то же самое Тарасову. Давно доказывал. Когда полагал, что мне еще играть и играть. Объяснял тренеру, что без семьи соскучился, что тренировки надоедают, даже самые интересные, что мы и так уж все умеем...

Однажды хоккеисты ЦСКА сидели в Архангельском около телевизора, передача закончилась, команда разошлась, остались только несколько человек — случайно получилось, что задержались только «старички» и наш тренер. Говорили о том о сем, вспоминали разные разности, заговорили почему-то о ветеранах, недавно ушедших из команды, и постепенно разговором завладел Константин Борисович. Он размышлял вслух вроде бы даже и не замечая тех, кто его слушал:

— Годы тренировок и сборов промчатся незаметно. Потом, когда будет за тридцать или под сорок, вас уже не позовут. Те, кто постарше, помнят, как меня торжественно, в Лужниках, провожали. Подарки, объятия, круг почета на плечах Альметова и Александрова, моих партнеров по тройке. И все. Конеч. Ни сборов, ни тренировок. Ни знакомых лиц. И матчи — с трибуны. Как — зритель. Ушел навсегда.

А потом, стыдно сказать, вернулся. Вернулся, признаюсь откровенно, не только потому, что команде оказался нужным, но и потому, что сам разлуки с хоккеем не выдержал.

Позже меня упрекали: тебя же, мол, проводили, всему миру сообщили, что ты ушел, так зачем же возвращаться? А потому и вернулся, что тяжело переносил разлуку с хоккеем, потому что не мог уже жить без хоккея.

Вернулся, потому что смертельно захотелось посидеть с товарищами перед матчем в Архангельском, поволноваться, испытать то, что называем мы предстартовой лихорадкой...

Володя помнит, как я пытался остановить время. Помнишь?..

Викулов молча кивнул.

— Вчерашний день не вернешь...

Спустя несколько недель Локтев еще раз вернулся к волновавшим его мыслям:

— Наше время уходит быстро — век хоккейный короток. Остается только завидовать шахматистам. Вот и советую, вспоминая собственный опыт, не поддаваться соблазну дать себе где-то послабление, отпроситься со сбора, пропустить тренировку, поберечь себя на занятии, сыграть в каком-то матче только за счет опыта, не особенно утруждая себя.

Дорожите хоккейным долголетием...

Увы, чужой опыт не всегда впрок, и некоторые ведущие армейские хоккеисты в прошлом сезоне порой, выходя на матч, берегли силы, оправдывая себя тем, что у нас впереди долгий и трудный сезон — и матчи с профессионалами, и Олимпийские игры, и первенство страны, и чемпионат мира.

Банальная, прописная истина — к победе ведут победы, а некоторые наши мастера, действуя много слабее обычного, обещали, отвечая на упреки тренера, сыграть в полную силу тогда, когда понадобится и ЦСКА и сборной. Но этого не случилось, таких чудес не бывает, и мы проигрывали не только отдельные матчи, но упустили и звание чемпионов страны. Да и чемпионами мира не стали.

Думал я обо всем этом и летом, когда, в точности повторяя наши ошибки, проигрывали турнир за турниром киевские динамовцы, футболисты, выступающие и в форме сборной СССР. Тренеры успокаивали, говорили, что главные старты впереди. «Динамо» проиграло французскому клубу в розыгрыше кубка европейских чемпионов, затем наша сборная проиграла чехословацкой национальной команде, причем тренеры заявляли, что все идет по плану (!), однако странный это был план подготовки, особенно если вспомнить, что проиграли футболисты и в Монреале на Олимпийских играх.

Хоккеисты побеждали не всегда, но все-таки выиграли и Олимпиаду в Инсбруке и «Суперсерию» — матчи с профессиональными клубами НХЛ.

Наш нынешний тренер откровенен, открыто говорит в глаза то, что думает. Он внимателен к ребятам, порой соглашается на какие-то уступки, считаясь с мнением спортсменов, но в то же время Локтев и строг. Он охотно пойдет навстречу своему подопечному. Но если кто-то его однажды подведет, то доверия лишится, и едва ли рискнет Константин Борисович Локтев поверить этому человеку.

А когда нет доверия — плохо: игрок и тренер это в сущности одно целое и на качестве игры взаимное недоверие, переходящее порой в неприязнь, непременно скажется.

Особый разговор о тренерах, бывших накануне твоими партнерами.

Так получилось, что опекали меня, учили играть и более молодые наставники, мастера, с которыми я сам играл: Анатолий Васильевич Фирсов, Вениамин Вениаминович Александров в ЦСКА, Владимир Владимирович Юрзинов — в сборной страны.

С одними из них я играл больше, с другими — меньше, и это — совместная игра в одной команде — наложило отпечаток на мое отношение к молодым тренерам и, естественно, на их отношение ко мне. Замечания и указания своих недавних коллег воспринимаешь не так, как слова Тарасова, Кулагина или Локтева — тренеров, которые значительно старше по возрасту. Слова молодых наставников скорее всего воспринимаются как совет партнера. Ты понимаешь, что теперь у вас иные, новые отношения, так сказать, не параллель, а вертикаль — отношения начальника и подчиненного. И потому теперь, разговаривая со стародавними своими товарищами по команде, ни в коем случае не огрызаешься, не споришь с ними отчаянно, как случалось прежде, но все равно, признаюсь, воспринимаешь их замечания и рекомендации как-то не так... Трудно, пожалуй, невозможно изменить складывающиеся годами отношения.

Представьте себе, как трудно будет и мне и Владимиру Петрову, если завтра моим тренером назначат нашего центрфорварда. Я тоже буду слушать его, но все-таки не скрою, не так как Чернышева или Кулагина. Потому что я знаю его уже восемь лет только как игрока (пусть даже и великолепного), а не как тренера. И я в глубине души допускаю крамольную мысль, что хоккеем понимаю не хуже, чем он. Вчера мы играли вместе, я ошибался, терял шайбу, выбирал неверное решение, но ведь и Володя небезгрешен. Сегодня промахов больше у меня, завтра ошибается чаще он.

Кстати, и Петров это понимает. Он видит, что я наизусть знаю его слабые стороны. Как и он мои. Так легко ли ему бу-

дет руководить мною? Учить меня искусству хоккея и искусству жизни?!

Я умышленно взял самый неожиданный и пока совершенно нереальный вариант взаимоотношений молодого тренера и хоккеиста. Петров по-прежнему играет. Но другие партнеры становятся нашими тренерами.

Едва ли это разумно.

Считаю, что стать тренером команды, где ты еще вчера играл, слишком трудно. Тем более, если эта команда борется за золотые медали чемпиона страны или мира.

Думаю, что Тарасов был прав в своих книгах: спортсмену, мечтающему стать тренером, все-таки лучше начинать в молодежных командах или в командах низшей лиги, где его авторитет будет бесспорен.

А тренер без авторитета — это заранее запланированные неудачи. Такому спортивному педагогу труднее убедить спортсмена в своей правоте: не с тем вниманием слушают они его замечания и наставления.

Летом 1976 года в руководстве хоккейной команды ЦСКА произошли изменения. Помощники Локтева Александров и Фирсов ушли. Ушли по разным причинам. Не стану говорить, что работали они плохо. Нет, оба — знающие специалисты. Вениамин Вениаминович работал с армейскими командами сначала в Народной Республике Болгарии, а потом — в армейском клубе Ленинграда. Анатолий Васильевич с прошлого года — старший тренер юношеской сборной команды Советского Союза. Сейчас он работает и с этой сборной и с молодежной командой ЦСКА.

Два знаменитых нападающих стали тренерами. Но работают сейчас они не в своей команде. Не в своем коллективе, где сложились как первоклассные мастера.

И это, считаю я, не случайно.

Дело не в личностях.

Читатель легко припомнит другие имена. Из других клубов. Из других видов спорта.

Блистательные мастера становились тренерами в своих командах сразу после окончания спортивной карьеры. И вскоре уходили. И один, и другой, и третий. И Вячеслав Старшинов, и Борис Майоров, и Валерий Никитин. Уходили на другие должности. В другие коллективы.

Нелепо самое предположение, будто бы они плохо знали хоккей или плохо знали своих подопечных. Каждый из них — признанный мастер хоккея, и тем не менее... Отношения с родным коллективом складывались трудно. То ли ребята еще не забыли промахи или срывы хоккеистов, ставших сегодня трене-

рами, то ли улыбались про себя, вспоминая излишнюю жажду гола, отличающую ветерана на закате его спортивной карьеры, и новый тренер чувствовал это, то ли... не знаю, не берусь судить. Знаю только одно: все, без малейшего исключения, вчерашние звезды хоккея, начинающие свою новую жизнь в прежнем коллективе, сталкивались с неодолимыми трудностями, трудностями психологическими, нравственными.

Фирсов и Александров ушли.

В ЦСКА помощниками Константина Борисовича Локтева стали новые наставники — наш бывший защитник Виктор Кузькин и бывший нападающий Юрий Моисеев.

Думаю, Моисееву будет легче. Все-таки существует дистанция во времени. Олимпийский чемпион 1968 года поработал какое-то время в Куйбышеве, а перед этим — в наших клубных командах, все мы слышаны о его успехах. Для половины хоккеистов ЦСКА Юрий уже история.

Виктору Григорьевичу будет трудно: он еще вчера играл с нами, и я догадываюсь, что его коллеги по обороне многоопытные Александр Гусев и Владимир Лутченко, проявляя максимум доброжелательного отношения к новому своему наставнику, станут все-таки порой вспоминать, что они играли в сборной страны и в ЦСКА не хуже, чем их нынешний тренер.

И еще один интересный, на мой взгляд, и чрезвычайно сложный момент в отношениях начинающего тренера с коллективом — я имею в виду все те нити, что связывают вчерашнего нашего партнера с совсем молодыми игроками. Я пытаюсь понять, угадать, каким будет отношение к Виктору Григорьевичу защитников, недавно появившихся в ЦСКА.

Кузькин в сезоне 1975/76 года был у нас седьмым защитником, другими словами, запасным. Потом он вошел в состав третьей пятерки.

Виктор и сам понимал, что с возрастом (а ему было уже 35) силы уходят; оставался он в коллективе только потому, что его просили об этом. Ветеран не хотел быть балластом, не хотел занимать чье-то место.

В своих последних матчах Кузькин играл, конечно же, совсем не так, как мог играть прежде. Тренеры ЦСКА все чаще отправляли его на скамью запасных, и если команде приходилось трудно, если оставались армейцы в численном меньшинстве, если команда проигрывала и тренеры решали оставить на льду только два ударных звена, то на поле появлялись другие защитники — Владимир Лутченко, Александр Гусев, Геннадий Цыганков, Алексей Волченков. А Кузькин? Кузькин вместе с теми, кто выступал послабее, оставался в эти минуты зрителем.

И, узнав о назначении моего стародавнего коллеги тренером, я с беспокойством думал, смогут ли молодые армейские защитники верно, по достоинству оценить опыт, знания Виктора Григорьевича.

К сожалению, не видели они, в ту пору восьми-девятилетние мальчишки, как блистательно играл Кузькин на чемпионате мира в Стокгольме в 1963 году, какая это была замечательная пара Виталий Давыдов — Виктор Кузькин, выступавшая подряд на девяти чемпионатах мира и трех Олимпийских играх. Знают ли они, как здорово играл их нынешний тренер на Олимпиаде в Инсбруке? Но в Инсбруке не 1976-го, а 1964 года? Едва ли знают, едва ли помнят, как отважен, силен, техничен, мудр был на площадке этот хоккеист, один из лучших защитников в истории отечественного хоккея. Юные армейцы играли рядом со сходящим со сцены ветераном — доброжелательным, спокойным, рассудительным, внимательным к молодёжи ветераном. Увы, уже ветераном!

Я говорю об этом, потому что и сам вместе с нынешними моими партнерами испытал сходные, видимо, чувства некоторого скепсиса, когда узнал, что одним из тренеров сборной СССР по хоккею назначен Владимир Владимирович Юрзинов.

Мы играли вместе с ним только однажды — на чемпионате мира 1969 года, на первом для нашей тройки чемпионате.

Мы приехали в Стокгольм новичками, а уехали — через две с половиной недели — лидерами команды. Нас хвалили безмерно и, как сейчас я понимаю, без меры. Мы были счастливы, упоены успехом и едва ли часто вспоминали о тех ветеранах сборной, что оставались на вторых ролях. И Юрзинова мы считали просто-напросто своим дублером, хотя был он старше меня на восемь лет.

И вот мы узнаем, что этот дублер будет теперь нашим тренером. В таких случаях не сразу вспоминаешь, что Владимир Владимирович был помощником многоопытнейшего Аркадия Ивановича Чернышева, что он успешно работал тренером в Финляндии, хорошо изучил скандинавский хоккей, что немало важно для работы со сборной командой страны, что он теперь возглавляет один из сильнейших клубов страны — московское «Динамо» — и потребовались две весомых победы динамовцев над ЦСКА, прежде чем мы внутренне согласились с полным правом Юрзинова стать нашим тренером.

Вот почему я пришел к твердому выводу: как бы ни сложилась моя судьба в спорте, я ни за что не начну работать тренером в той команде, где играю уже почти десяток сезонов.

Что же касается Кузькина и Моисеева... Сейчас и я и мои партнеры повзрослели, стали мы, как мне кажется, людьми более рассудительными и потому прекрасно понимаем, что Виктор Григорьевич и Юрий Иванович начинают сначала, и оттого мы, их товарищи, ветераны ЦСКА, считаем своим долгом, делом чести помочь им раскрыть свой талант и в новой для них сфере хоккея.

Я рассказал о нескольких тренерах.

На кого бы я хотел походить? Ответ однозначный невозможен, ибо как нет идеальных хоккеистов, так не существует и идеальных тренеров.

Вот если бы удалось взять две-три черты у каждого...

У Анатолия Владимировича Тарасова я постарался бы перенять его неиссякаемую выдумку, ярче всего проявляющуюся в организации тренировочного процесса, взял бы его беззаветную преданность хоккею. У Аркадия Ивановича Чернышева — спокойствие, уравновешенность, внимательный, заинтересованный подход ко всем хоккеистам. У Бориса Павловича Кулагина — умение поговорить с каждым игроком в отдельности и убедить его в правильности тренерского замысла. Я не раз убеждался: если кто-то не согласен с идеей Кулагина о той или иной тройке, то Борис Павлович непременно сумеет объяснить, почему важно и перспективно именно такое формирование звена.

У тренера, повторяю, как и у каждого из нас, есть свои сильные и слабые стороны, и если игрок понимает это, то он, кажется мне, просто обязан стараться взять все лучшее.

О чем мечтаю я? Собираюсь ли стать тренером?

Если и да, то, как уже говорил, на первых порах не в команде мастеров высшей лиги. Теперь я уже хорошо понимаю, что тренировать команды значительно труднее, чем играть: ты отвечаешь не за себя или за свою тройку, но за большой коллектив, где собраны разные люди с очень разными характерами. Ты отвечаешь не только за тактическую или техническую подготовку, но и за будущее спортсменов, за то, как складывается их жизнь сегодня, как сложится она завтра. Тренер несет полную ответственность за то, чему спортсмены успевают научиться, выступая за свою команду, — я имею в виду сейчас не только спортивную подготовку.

Тренер призван знать все заботы хоккеистов, представлять себе мир их увлечений.

Хотелось бы, чтобы игроки вспоминали тренера не только как специалиста хоккея, но и как человека, который сыграл важнейшую, решающую роль в становлении личности.

А КАКИМ БУДЕТ ХОККЕЙ ЗАВТРА?

Главный судья поднял руку, посмотрел в сторону одних, затем других ворот, и рефери, расположившиеся за воротами, зажгли поочередно красный свет. К матчу все готово. И шайба вброшена в игру. А вот и первая наша удача: мы выиграли вбрасывание. Мой товарищ, овладевший шайбой, откатился чуть назад, к своей синей линии, передал черный литой кружок набирающему скорость партнеру, и тот рванулся вперед. И сразу все пришло в движение. Мы мчимся к воротам спартаковцев, верером расходясь от товарища, владеющего шайбой; четверо наших соперников откатываются, а пятый приклеился к игроку, владеющему шайбой. Он отталкивает, оттирает его от шайбы, пытается поднять его клюшку, но тот уходит вперед, все увеличивая и увеличивая скорость. И вот мчится наперерез игроку с шайбой подмога — другой защитник; еще мгновение, и он всей своей массой, умноженной на огромную скорость, врежется в ведущего атакую. Так и есть! Сшиблись! Но наш товарищ лишь покачнулся, на ногах устоял, а вот шайба отлетела в сторону. Она уже у спартаковцев, и красно-белый клубок катится к противоположным воротам. Пас! Еще передача! Мощный щелчок! Вратарь парирует бросок, и шайба отскакивает к борту, но ее снова подхватывают спартаковцы. Их атака продолжается. Скорости нарастают. Пасы, финты, силовые приемы, броски, столкновения сливаются в один ослепительный вихрь, и трибуны, увлеченные жарким сражением, словно сдвигаются с места. Призывное «Шайбу!» гремит под сводами ледового дворца, и хоккеисты сменяются, не ожидая остановки игры; одна пятерка торопится покинуть площадку, а другая спешит ей на смену. Быстрее, быстрее! Шайба мечется по площадке; армейцы и спартаковцы, открывающие этим матчем новый сезон, играют, не жалея сил: их азарт передается зрителям, и гол, первый гол сезона, не остужает порыва...

Я смотрю этот матч уже не по телевизору, а со скамьи запасных. Для меня катастрофа, травма, госпиталь в Лефортово ушли в прошлое. Я уже выхожу на лед, я уже тренируюсь, но пока не играю. И вот слежу за матчем со скамейки запасных. Но разве это не победа, что я смотрю матч не по телевизору, а рядом с моими товарищами? Я рвусь на площадку, рвусь в бой и завидую тем, кто ведет борьбу на льду. Вынужденная пауза позволила мне увидеть хоккей со стороны, еще раз убедиться в том, как прекрасна эта игра!

Да, я понимаю зрителей, ищущих «лишний» билетик. Их влечет, манит на стадион не желание узнать счет — ведь о результате матча сообщат радио и газеты. Они идут на хоккей,

чтобы приобщиться к празднику, где скорости, краски, азарт сливаются в то неповторимое зрелище, что зовется хоккеем.

Мы, хоккеисты, не пытаемся соперничать с Евгением Гришиным, Ардом Схенком, Валерием Муратовым или Евгением Куликовым, олимпийскими чемпионами по скоростному бегу на коньках. У нас иная скорость, душа которой — смена ритма. Александра Мальцева догнать никто не может не только потому, что он стремителен в своих движениях. Вот он мчится что есть духу, и вдруг резкое торможение, мгновенная остановка — и уже нет рядом никого...

Скорость в хоккее — это скорость умная. Вячеслав Старшинов никогда не спешил, но при этом никогда не опаздывал — он всегда был там, где нужно. А моя скорость — это скорость составления задач, которые не по силам разгадать защитникам. Перехитрить опекуна, поймать его на ложный прием, оставить его с носом доставляет мне, не скрою, величайшее удовольствие.

Вот мчатся на меня два защитника, каждый размером с приличную гору, но я спокойно иду на сближение, показывая то одному, то другому, что намерен провести поединок именно с ним, а в последний момент проскакиваю между ними, как между Сциллой и Харибдой, к воротам соперника. Так забросил я в Канаде шайбу в матче с хоккеистами ВХА, и этот мой гол показывали потом несколько раз по телевидению.

Но еще больше я люблю коллективные голы, голы, которые мы забиваем втроем — Борис Михайлов, Владимир Петров и я. В одну секунду следуют два паса в одно касание, шайба летит от моей клюшки к клюшке Бориса, от него в то же мгновение к Володе, и тот отправляет ее мимо защитников, мимо вратаря, выманенного вперед в незащищенные ворота.

И каждый матч — экзамен, и эти экзамены не утомляют, не иссушают душу. Я знаю, как играют хоккеисты «Спартака», «Динамо», «Химика». Наизусть знаю особенности игрового почерка ведущих чехословацких и шведских мастеров. Осваиваясь с манерой действий заокеанских профессионалов. И они все, в свою очередь, знают меня, моих товарищей по команде. Мы все знаем, кто что умеет, кто чего стоит, но каждый матч с ними — это проверка собственного потенциала, своего мастерства: надо сегодня, именно сегодня, доказать сопернику и себе, что есть по-прежнему порох в пороховницах, что ты не утратил своего класса.

Хоккей — моя стихия, счастливое увлечение; эта искрометная, темпераментная игра неиссякаема, как неиссякаема в человеке жажда соперничества и самоутверждения. Шайба снова в игре, снова вскипают страсти, снова скорости кажутся уже

неподвластными хоккеистам, снова летит на тебя защитник, и ты знаешь, что уступить ему не имеешь права: ведь «трус не играет в хоккей». И игра эта торжествует, живет, влечет миллионы мальчишек, мечтающих стать рядом с нами, прийти к нам на смену.

Какой же он будет, завтрашний хоккей? Я всегда задаю себе этот вопрос, когда наблюдаю за маленькими хоккеистами на конкурсных отборах во Дворце спорта ЦСКА. Когда-то и мы приходили туда в надежде стать новыми Бобровыми, Майоровыми и Фирсовыми. Теперь у мальчишек другие идеалы — Мальцев, Якушев, Михайлов, Петров. А на кого будут равняться завтрашние хоккеисты? Какой тип хоккейного нападающего станет их идеалом? Кто ответит сейчас на этот вопрос?..

Литературная запись Олега СПАССКОГО

СОДЕРЖАНИЕ

Как начинались эти записки	3
Встреча с питомцами Фреда Широ	4
Путь в сборную	13
Ищи свою игру	19
Самый памятный матч	29
Трудно быть «звездой»	39
Тренеры учат меня	43
Старшие мои друзья	48
А каким будет хоккей завтра?	62

Валерий Харламов
ХОККЕЙ — МОЯ СТИХИЯ

Редактор — В. Виктор ов.

Технический редактор А. И. Евтушен ко.

Сдано в набор 20/ХІІ 1976 г. А 09218. Подписано к печати 21/ІІ 1977 г.
 Формат 70×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 3,94.
 Тираж 100 000. Изд. № 709. Зак. № 3228. Цена 24 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП,
 ул. «Правды», 24.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ЭКРАН
67 СМ ПО ДИАГОНАЛИ ИМЕЕТ ЕДИНСТВЕН-
НЫЙ В СТРАНЕ ТЕЛЕВИЗОР I КЛАССА «ГОРИ-
ЗОНТ-107».

Механический переключатель программ в этой модели заменен электронным. Достаточно прикосновения к пластине соответствующего канала — и на экране выбранная программа.

Оригинальная конструкция автономной акустической колонки телевизора. Она не только обеспечивает качество звукового сопровождения на уровне радиол высшего класса, но и может быть использована отдельно от телевизора для усиления звучания радиоприемника, магнитофона, проигрывателя.

«Горизонт-107» — это надежность и комфорт; телевизору присвоена высшая категория качества.

ЦКРО «ОРБИТА»